Любовь Звягинцева

Ищу повод жить

рассказы
и
стихотворения

Любовь Звягинцева

Ищу повод жить (сборник)

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6

Звягинцева Л. М.

Ищу повод жить (сборник) / Л. М. Звягинцева — «У Никитских ворот», 2018

ISBN 978-5-00095-646-5

Книга «Ищу повод жить» состоит из двух частей, непохожих друг на друга не только по форме, но и по содержанию. Первая часть – прозаическая – это истории обычных людей, живущих, чувствующих, думающих и поступающих «по-русски». Хороший крепкий слог, прекрасное чувство юмора автора и подлинность сюжетов делают чтение увлекательным, время – быстротечным. Во второй части перед читателем открывается целая палитра чувств и мыслей, воплотившихся в поэтической строке. Стихи Любови Звягинцевой полны жизни, любви, открытости и душевной теплоты – словом, всего того, что даёт «повод жить» каждому человеку.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-646-5

© Звягинцева Л. М., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Рассказы 6
Что за деревня без Ивана… 6
Дело «Труба» 6
«Пропащее» дело 7
Страхование 10
«Усе́нь-бауséнь» и галоша 11
«Телячье» дело 13
Жили-были… 17
Сашка-романтик 17
Влюблённый адвокат 18
Батон 20
Надюшка 21
Королева красоты и частица «не» 24
Спасибо тебе, Варвара! 28
Номерок 33
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Любовь Звягинцева
Ищу повод жить
Рассказы и стихотворения

* * *

© Звягинцева Л. М, 2018
© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2018

Рассказы

Что за деревня без Ивана…

Посвящается брату

Из разговора у колодца:
– Скучно было бы в деревне без Ивана!
– Ох, и не говори, соседка!

Дело «Труба»

– Тёть Насть, дай *трубу,* – заявляет с порога сама невинность с кристально чистыми глазёнками.

– Пёс тя не видал-та, Ваньша! Зачем тебе труба? – проговаривает тётя Настя, вылезая головной частью тела из печки с чугунком дымящейся картошки.

– Мать велела… – неуверенно говорит Иван, чем настораживает тётю Настю.

(По дороге шестилетний мальчуган забыл, зачем его послали к соседке, но, будучи ребёнком исполнительным, твёрдо решил выполнить поручение, для чего пустил в ход свои логические способности и богатую фантазию.)

– Наша-то труба сломалась… самовар поджечь нечем, – с тихим вздохом, но уже твёрдо поясняет честный Иван, рассеивая тем самым сомнения тёти Насти.

Вздохнув, та наклоняется, с трудом лезет за печку в тёмный угол и долго, наощупь, гремит невидимыми предметами. Не найдя искомую вещь, встаёт на колени и почти лёжа проникает в узкое пространство между стеной и печкой. Наконец, выдёргивает что-то и с облегчением начинает вылезать.

Приподнимаясь, она наступает на хвост кошки, лакающей молоко из блюдца. Та с истошным воплем, от которого тётя Настя вздрагивает и снова оказывается на коленях, вспрыгивает на лавку и… обжигается об чугунок с картошкой. Обезумев от боли и обиды, кошка, увлекая за собой чугунок, с налёта плюхается в помойное ведро (а что такое деревенское помойное ведро… лучше не вдаваться в подробности).

Ведро опрокидывается, и его содержимое разливается по кухонному чулану, расточая благовония.

Обезумевшая не меньше кошки тётя Настя, стоя на коленях в помойной луже, одной рукой протягивает невозмутимому Ивану трубу, а другой рукой пытается (вероятно, от досады) дотянуться до его уха. Увернувшись, Иван спас ухо и при этом ловко завладел трубой.

Оценив ситуацию в чулане и расположение утвари в сложившейся обстановке, Иван тихо и невинно сказал:

– Ой, тёть Насть, я совсем забыл… Мать *решето* велела…

Охнув, тётя Настя села на валяющееся помойное ведро, соскользнула с него, ушибла ягодицу и, в высшей степени обозлённая, протянула руку, чтобы схватить бесёнка (то есть ребёнка) за шкирку. Но деревенская этика не позволяла оставить соседку (то есть нашу мать) без решета.

С великим трудом тётя Настя приподнялась, с грохотом сбив кучу ухватов, зацепившихся за верёвочку фартука. Кочерга стукнула её по уху. И теперь, уже совершенно оглушённая, тётя

Настя дрожащей рукой сняла с гвоздя решето и, собрав все свои силы, запустила в невозмутимого Ивана.

Кошка, к тому времени забравшаяся в безопасное место на верхнюю полку, уже успокоилась. Она с любопытством проследила за траекторией полёта решета и, попытавшись поиграть с ним лапкой, нечаянно спихнула с полки мешочек с мукой.

Поймав решето правой рукой (в левой была уже труба), Иван не отступил.

…Обсыпанная мукой тётя Настя, стоя на коленях в помойной луже с плавающей в ней свежесваренной картошкой, обречённо молчала.

Наступила зловещая тишина.

Увидев муку на голове тёти Насти, сообразительный Иван хитро блеснул глазёнками:

– Тёть Насть, я вспомнил… Мать ведь *муки* просила.

Тётя Настя тихонечко завыла…

В эту минуту в избу вошёл Николай, взрослый сын тёти Насти. При виде столь ужасающей картины он потерял дар речи, вопрошающе мыча в сторону матери.

Ситуацию выправил сообразительный Иван.

Аккуратно положив решето и чёрную, в саже, самоварную трубу на стол, прямо на сверкающую белизной скатерть (надо заметить, тётя Настя была необыкновенной чистюлей), Иван поднял правдивые глазёнки на Николая и тихо сказал:

– Да тут тёть Настя *спички* ищет… Мать просила взаймы…

Николай вытащил из кармана коробок и протянул его Ивану.

Уходя, краем глаза Иван увидел, как кошка спрыгнула с полки на спину тёти Насти и окончательно её «успокоила».

Тоже «окончательно успокоенный», Иван пошёл домой.

– Ма, а у тёть Насти не было *соли,* – с порога заявил счастливый Иван, вспомнив, за чем его посылали, – пойду к тёть Лизе.

«Пропащее» дело

Мать готовила обед, а Иван с котом Васькой путались у неё под ногами, пытаясь что-нибудь стянуть. Разозлившись, мать дала им по подзатыльнику, схватила за шкирки и выбросила за дверь.

«Обиженные» уселись на крыльце.

– Вот уйду! И не приду! – грозно сказал шестилетний Иван.

– Мяу! – одобрил Васька, облизав лапу, которую он всё-таки успел запустить в сметану. (Васька всегда был расторопнее Ивана.)

Ваня твёрдо решил исчезнуть. Но куда? В картофельных грядках его уже находили, в ближайшем лесочке тоже.

– Всё не то… – рассуждал Иван, перебирая варианты.

«Чулан!» – вдруг осенило его.

В чулане на полу валялась груда грязного белья. Ваня зарылся в эту кучу, и его почти сразу потянуло в сон (он любил не только поесть, но и поспать).

Но… в нос ударил неприятный запах.

«Саняткины штаны какашками воняют!» – рассердился Иван на брата, но, приглядевшись в темноте, признал свои родные заплатки и успокоился.

Спустя минуту он крепко спал, уткнувшись носом в собственные штаны.

А через час вся деревня была поднята по тревоге. Пропал Иван!

– В картошке, небось, спит! – смеясь, не верили некоторые. – Сколько можно «пропадать»!

– Проверяли… Нет его там…

За два часа в деревне было обшарено всё. И… народ устремился к пруду, довольно большому и глубокому.

Даже из соседних деревень сбежались пацаны, обрадовавшись возможности вволю понырять.

И началось…

Со дна извлекли: груду валенок (вероятно, попавших в пруд через прорубь во время катания); чугунки и кастрюли, ложки и вилки, двухведёрный самовар (женщины любили мыть посуду в пруду, используя песочек, как моющее средство); женские панталоны, посеревшие от долгого пребывания в воде; детское бельё; две телогрейки; абажур; плюшевое пальто, которое с перепугу приняли за выдру; «голанку» (в переводе с местного диалекта комбинацию – от слова «голая») и т. д., и т. п.

Всё аккуратно складывалось на берегу. Тут же появившийся активист из сельсовета взялся за строгий учёт извлечённого.

Председатель колхоза, довольный и счастливый, мысленно потирал руки и ликовал.

«Пруд очищен, – думал он и уже ставил „галочку“ в отчёте, – да ещё и бесплатно!»

Под вопли и гиканье «чистильщики» выкатили из пруда телегу, пропавшую три года назад, за которую у скотника Митрича до сих пор вычитали из зарплаты. (Почему у Митрича – никто не знал, как не знал и сам Митрич.) Он на радостях хлебнул «из кармана» и под ликование толпы кричал:

– Моя телега! Моя!

– Почему твоя? – возмутился активист из сельсовета, взяв телегу «на карандаш». – Колхозная!

– Я ж за неё три года платил! – ударил себя в грудь Митрич.

– А… – махнул на него блокнотом активист и побежал на очередной рёв: что-то нашли ещё более значительное.

Это была десятилитровая бутыль с самогоном, хорошо закупоренная и привязанная к кустам верёвкой.

– Ого! Чем не холодильник! В тенёчке, в кустах… – восхищались мужики.

– Кто это у нас такой умелец? – удивлялись бабы.

– Чья это «захоронка»? – осведомлялся активист.

– Я! Я это! Моё! Моё! – громко кричал, подбегая к пруду, дед Ефим, переживая за свою частную собственность.

За ним мелко трусила разгневанная бабка Апрося:

– Ага, старый! Так вот где ты прикладываешься! Разнижу! (В переводе с местного диалекта «разберу на части»; противоположное значение слову «нанизать»).

Председатель громко кашлянул и сказал:

– В пруду мальчика нет.

«Хоть бы колодец догадались обшарить, тоже давно нечищенный», – подумал он.

– В колодце надо искать! – крикнул активист из сельсовета, «прочитав» мысли председателя, и все ринулись к колодцу.

Вода в колодце была настолько далеко, что казалась сверху крохотным квадратиком. К тому же это была, как все говорили, «не вода, а жидкий лёд» (скулы сводило от холода).

Смельчаков лезть в колодец не оказалось.

– Сергей! Позовите Сергея! – кричала мать, имея в виду самого крепкого и сильного парня в деревне.

При слове «Сергей» красивая девка Полинка вздрогнула: она была давно тайно влюблена в него.

– Полинка! Сбегай за ним! – попросила мать, случайно наткнувшись на её реакцию.

Через некоторое время Сергея обвязали верёвкой и стали медленно опускать в колодец. Около сруба встал на посту Митрич с конфискованной из пруда бутылью самогона.

– Для профилактики… когда вылезет, – пояснил он.

Рядом пристроился дед Ефим:

– Не забудь вернуть!

– Разнижу! – предупредила бабка Апрося, оказавшаяся тут же.

Проснувшись, Ваня поразился тишине. На кухне он обнаружил остывший обед. Вспомнив, что голоден, он крепко поел, выпил стакан молока и вышел на крыльцо.

Около колодца была толпа народа. «Опять бабка Варвара ведро утопила», – подумал Ваня.

Он был удивлён: вся деревня вытаскивает одно ведро.

Да… уж если деревня чем-то увлекалась, то «уходила» в это увлечение настолько, что забывала о предмете увлечения.

Протиснувшись на четвереньках под ногами стоящих вокруг колодца, Иван встал рядом с матерью.

– Ну! Сергей! – кричала мать в колодец.

– Чего-то зацепил… – донеслось из глубины.

Через минуту на крючке подняли ведро.

– Моё! – вскрикнула бабка Варвара.

Ваня услужливо пододвинул ведёрко в сторону обрадованной бабушки.

– Спасибо, Ванюша, – поблагодарила та и погладила его по головке.

– Губы вытри! – приказала мать Ивану. – Весь в крошках.

Все снова устремили взгляды вниз. А из колодца на крючке поднимали шикарный ажурный бюстгальтер.

– Ой! Мой! – пискнула Полинка и смутилась.

– Га! Га! Га! – загоготали мужики.

«Как он туда попал? – подумал Иван. – Ведь бельё моют на пруду». Но потом сообразил, что кто-то схулиганил, снял с верёвочки и… в колодец.

Очистив колодец от утопленных вёдер, палок, банок и прочего хлама, Сергей поднимался наверх. Председатель и активист из сельсовета, удовлетворённые работой, поспешили в правление, чтобы отметить это событие… в отчётах, конечно.

И вот уже пальцы Сергея коснулись края сруба, и тут… его глаза встретились с глазами Полинки. Так близко он её видел впервые. От волнения Сергей чуть было не свалился обратно. Полинка схватила его за руки и поразилась, какими горячими были они у него!

Митрич «отрезвил» их молчаливый диалог, подставив к носу Сергея стакан самогона. Дед Ефим сглотнул завистливую слюну.

– Выпей! Выпей, Сергей! Чтоб не захворать! – закричали все вразнобой.

Осушив стакан, Сергей начал взглядом искать Полинку но… увидел улыбающегося Ивана.

«Как меня сразу развезло-то…» – подумал Сергей.

– Сыночек! – завопила мать Ивана.

– Вот он! Держите его! – подхватила толпа.

Иван, сверкая пятками, бежал к спасительным кустам, заросшим крапивой. Он понял, что явившись к колодцу, только облегчил собственные поиски.

«Дурак! – корил он себя. – Пусть бы поискали».

Тем не менее всё, что начиналось в деревне с подачи Ивана, имело счастливый конец. Прямо у колодца развернулось народное гулянье, посвященное находке Ивана. Пригодилась

бутыль самогона, к которой приросли трое: Митрич, дед Ефим и его жена, бабка Апрося, готовая в любую минуту «разнизать» супруга.

Тут же накрыли стол, на котором красовались молодая свежесваренная картошечка, малосольные огурчики, домашние яички, сало, зелёный лук (с грядки), укропчик (тоже оттуда) и так далее… запах – на весь Шатурский район.

Васька Нарышкин «наяривал» на гармошке; его жена Зинка пронзила деревенские просторы занозистыми частушками.

Отсидевшись в кустах до наступления голода, Иван пошёл домой. По дороге он встретил соседскую девчонку Тоньку-злыдню, свою ровесницу. Всю его сознательную жизнь (а Ивану было уже целых шесть лет) Тонька «приставала» к нему и не давала прохода.

– А тебя драть будут, как Сидорову кошку, – язвительно сказала она.

«А я скажу, – подумал Иван, – бить будете, уйду и не приду!»

Первое, что он увидел, открыв дверь, – это улыбающееся лицо матери. Семья была в сборе. Все ужинали. Пустовал один стул. Иван счастливо вздохнул и сел есть.

Сергей и Полинка ушли с гулянья вместе, а в сентябре сыграли свадьбу.

Правда, остался один неразрешённый вопрос: чья же телега? Она, говорят, так и стоит поныне…

Страхование

– Клашка-то… прям обтушилась вся! Вот жадуля!

Пятнадцатое бревно волокёт! Ведь говорил же присидатель: по пять дерев каждому двору, – возмущалась бабка Зина, наблюдая из окна за соседкой.

Шестилетний Ванюша подбежал к окну посмотреть, как Клашка «себя тушит», да ещё и бревно «волокёт».

Клашка, здоровая тридцатипятилетняя баба, действительно волокла с помощью верёвки толстую берёзу.

Бабка продолжала:

– И куда только Мишка Колобанов смотрит?! Оштраховать бы её, да и отнять лишку.

(Мишка Колобанов – местный участковый милиционер.)

Слово «оштраховать» вызывало у Ванюши чувство непонятного страха, а слово «присидатель», распростанённое среди односельчан и относящееся к Трифонову Пётр-Палычу, руководителю колхоза, ставило Ваню в тупик.

С одной стороны, Пётр-Палыч, по мнению Ванюши, должен приседать во время ходьбы (чего мальчик ни разу не видел), а с другой, он считал, что Пётр-Палыч должен что-то дать каждому колхознику.

– Ну, Клашка! Ну, отрава! – продолжала возмущаться бабка Зина. – Нет бы бабке Варваре подмогнуть! Ведь никогошеньки у неё нет… Эх! Мне бы силушку! И зачем только лесок загубили?! Поля какие-то ИМ нужны… А что с них толку? Земля там для посева совсем негожа… Э-эх!

(Именно с этого загубленного леска народу было выделено по «пять дерев».)

Бабка Зина громко сморкнулась в фартук и, чего-то испугавшись, перекрестилась.

Больше всего в данной ситуации Ивану было жалко бабку Варвару, которая жила рядом с Клашкой. Ваня очень любил старушку, которая, несмотря на свою бедность, умудрялась угощать детвору картофельными ватрушками. А какие истории она рассказывала о трёх своих

сыновьях, погибших на войне! Последнюю похоронку бабка Варвара получила совсем недавно, хотя война два года назад кончилась. И Ванюша искренне жалел бабушку.

…Иван решил действовать.

– Тёть Клаш! Колобанов будет «СТРАХОвать» у кого «лишка дерев», – заявил Ванюша с порога, стараясь в точности повторить слова бабки Зины. – Так и сказал: «Лишку отберу и отстрахую»! Это мне Колька по секрету нашепнул.

(Колька – десятилетний сын участкового.) Иван очень волновался, но слово «отстрахую» произнёс с оттенком «отлуплю».

– Чи-и-во!!! – возмутилась Клашка. – Иди-ка отселева, шкет!

Клашка развернула Ивана и вытолкала на крыльцо, но Ваня спиной почувствовал, что приходил не напрасно.

Тем не менее он интуитивно понимал, что надо «закрепить успех», и поэтому направился к Полинке, живущей тоже рядом с бабкой Варварой.

Полинка, молодая, красивая девка, недавно (кстати, «с лёгкой руки» Ивана, и это отдельная история) вышла замуж за красивого, сильного парня Сергея. И Полинка, и Сергей Ивану были очень симпатичны. Ванюша был уверен, что Полинка для него (а точнее, для бабки Варвары) сделает всё.

– Бабке Варваре подмогнуть бы, – сказал он, запыхавшись, едва переступил порог, – вон, Клашка-то уже пятнадцать дерев уволокла, а у Бабки Варвары никого нет.

– А! Ванюша! Заходи, – Полинка очень тепло относилась к мальчугану после случая, когда он «пропал» (ведь именно поиски Ивана свели её с Сергеем, за которого она успешно вышла замуж).

– Ну, так как? – строго спросил Иван.

– Конечно, Ванюша! Поможем. Вот Серёжа придёт с работы, поест и пойдёт за дровами для бабки Варвары. А ты проходи, чаем напою, – щебетала счастливая Полинка.

– Некогда мне, делов много, да и сытый я, – твёрдо, по-взрослому, сказал Иван, но пряник, протянутый Полинкой, всё-таки взял и не без удовольствия.

…Спустя час Клашка вопила:

– Тёть Варвара-а-а! Куда дрова класть?.. Ты только Колобанову скажи, что я с тобой поделилась.

– Скажу, скажу, касатка, – отвечала бабка Варвара, удивлённая внезапной щедростью Клашки, – скажу, спаси тебя Христос.

Засыпáл в этот вечер Иван со счастливым чувством выполненного долга. Ему приснился страшный мужик, который ходил по деревне и «СТРАХовал» (пугал) тех, кто приволок больше «пяти дерев». За мужиком вприсядку следовал председатель.

Ивану стало весело во сне, и он засмеялся.

– Растёт, – прошептала бабка Зина и перекрестила его.

«Усéнь-баусéнь» и галоша

– Усень-баусень,
На дворе поросень…

Дети пели свою колядку, хоть и нестройно, но очень старательно.

– А почему Лёшка не поёт? – хитро улыбнувшись, спросила бабка Варвара.

Восьмилетний Лёшка, испугавшись, что уйдёт ни с чем, тут же подхватил:

– Дома ли хозяин?
– Хозяина нету.
– А где же он?
– Уехал в Москву….

– Молодцы! – восхищалась бабка Варвара.

У неё уже были приготовлены горячие картофельные ватрушки. Ни одна хозяйка в деревне не умела их готовить так вкусно, как бабка Варвара. Вроде, рецепт один: ржаная мука грубого помола, картошка, подсолнечное масло… а ватрушки у всех разные.

Поговаривали, что бабка Варвара словечки какие-то нашёптывала, когда пекла их. Только Ванюша, который пел вместе со всеми, с этим был не согласен. Он считал, что вкусные они оттого, что бабушка Варвара – самая добрая бабушка в деревне. Иногда ему даже казалось, что она добрее его родной бабки Зины, которая нет-нет да и даст Ивану подзатыльник за ослушание.

– Чок-чок, каблучок!
– Открывайте сундучок,
Доставайте пятачок…
А не то мы вам – щелчок!

Дети завершили свою колядку и облегчённо вздохнули.

Бабка Варвара каждого (!) погладила по головке и каждому (!) вручила большущую ватрушку.

Дети со смехом слетели с крыльца и побежали к соседнему дому.

А там… жила Клашка, бой-баба, знаменитая своей жадностью, грубостью и… ещё чем-то, не понятным детям.

Ребятня притормозила около крыльца Клашки, но, вдохновлённая предыдущими дарами, решительно постучала всеми ладошками в дверь (тем более, традиция обязывала заходить в каждый дом).

– Валяй! Входи! – басом ответили за дверью.

Ватага ввалилась в дом. За столом сидел Колька-Воробей (по фамилии Воробьёв), здоровый сорокалетний мужик, механизатор «широкого профиля».

Иван с «широким профилем» был согласен, так как Колька действительно был широк в кости.

Вся деревня осуждала Кольку-Воробья за то, что он по полгода жил «по чужим дворам», преимущественно у вдов. «Летает, как воробей!» – возмущались замужние бабы.

Колька-Воробей искренне обрадовался. Он был немного пьян, весел и в хорошем настроении.

– Валяйте, пойте! – приказал он.

– Усень-баусень…

Дети пели, как и полагалось, старательно.

– Я вам дам «баусень»! – донеслось из кухонного чулана. (Это Клашка вылезла из подпола.)

– Клаш-ка! Не порть хор! А не то… – грозно, по слогам, крикнул Воробей. – Пойте!!!

И Колька начал дирижировать вилкой, на которую был нанизан солёный огурец.

Дети, как заворожённые, уставились на этот огурец и робко продолжали:

– Дома ли хозяин?
– Хозяина нету…

– Как это нету? – возмутился Колька-Воробей. – А я кто?

– Хозяин, хозяин, – заискивающе проговорила Клашка и стала оттеснять «хор» к двери.

– Так я хозяин или нет? – продолжал Колька пытать Клашку.

Клашка спустила певцов с крыльца, так ничем и не угостив, и побежала ублажать Воробья.

А дети продолжали колядовать…

На следующее утро…

Выйдя во двор, Клашка ахнула: поленница дров была развалена, да и дров заметно поубавилось.

Широкая протоптанная тропа вела к плетню, соседствующему с огородом бабки Варвары. Около стены бабкиного дома валялось множество поленьев, частично уложенных в свежую поленницу.

– Мои ж дрова-то! – возопила Клашка.

Она, злясь, поддела ногой снежную тропу, и из-под снега выскочило полено. Задыхаясь от гнева, Клашка забросила это полено почему-то в сторону дома бабки Варвары.

И тут… из-под снега показалась галоша.

– А! – злорадно обрадовалась Клашка. – Вот по галоше-то я и узнаю, кто это сделал!

Участковый милиционер Мишка Колобанов, морщась, но терпеливо (долг обязывал) выслушал Клашкин «вопёж».

– Вот! – Клашка положила на стол галошу. – Твоя работа!

– Это почему моя? – испугался Колобанов. – Да и размер не мой.

Клашка хитро ухмыльнулась:

– Всё шутишь? А ведь тебе искать, чья это галоша.

Клашка специально «ударила» слово «тебе» и сжатыми кулаками потрясла в сторону присутствующих в кабинете людей.

– Ладно, – вяло сказал Колобанов, – пиши заявление. Без заявления не могу.

Клашка нацарапала «зыевление», сделав кучу ошибок, на которые Мишка (почему-то) не обратил внимания, и пошла к двери.

– Стой! – внезапно остановил её Колобанов. – Искать, говоришь… А ну, подь сюда!

Клашка вызывающе подошла.

– Сымай правый сапог! – приказал Колобанов.

– Это ещё зачем?

– Увидишь!

Клашка наклонилась и обнаружила на правом валенке отсутствие галоши…

С тех пор за глаза Клашку стали называть «Клашка-Галоша».

«Телячье» дело

Иван пас телят, мирно погрузившись в безмятежный детский сон под любимым кустиком. Телята паслись сами, аппетитно поедая клевер и прочие сочные травы с запретного поля, предназначенного для будущего зимнего силоса.

«Ни одна травинка не должна исчезнуть с поля!» – кричали ежедневно у себя в правлении председатель и другие начальники.

Что кричали в правлении, Ивану не было слышно во сне, а телятам на этот запрет было глубоко на… Они обожали своего юного пастушка и спокойно, без нервотрепки, набирали положенный вес.

Телята были детьми местного быка Тихона, который как истинный отец рьяно бдил своих многочисленных отпрысков. Ему не было безразлично, чем питаются его дети.

«Пусть жрут витамины, – думал бык, – а не какую-то там химию в виде силоса».

Именно поэтому Тихон любил Ивана, благодаря которому телята росли шустрыми, бодрыми, раскрепощёнными и здоровыми.

Иван в свою очередь любил Тихона за то, что тот отпугивал председателя – Гария Еремеевича, приехавшего специально из Москвы руководить колхозом. Колхозники окрестили нового председателя Еремеичем.

За постоянную спячку при исполнении служебных обязанностей председатель не мог ни уволить Ивана с работы, ни наказать выговором, так как десятилетний пастушок не числился в штате колхоза по причине несовершеннолетия.

Однако постоянные вопли председателя будили Ивана и мешали ему «пасти» телят, за что Иван и невзлюбил Еремеича.

Надо заметить, что с того момента, как Иван начал пасти телят, деревня преобразилась: даже самые ленивые мужики залатали дыры в заборах, так как незакомплексованные и любознательные телята могли пролезть в любую щель, чтобы попробовать чего-нибудь новенького и вкусненького.

Бык не любил председателя, потому что… потому что не любил! Он закипал от злости при виде шарообразного председателя, расфранчённый вид которого (ботинки, модный плащ) особенно раздражал быка. Но более всего его бесила шляпа председателя, столь несвойственная для сельской местности.

«Тьфу!» – бесился бык и потом полдня отогревал свой взгляд на внешнем виде вечно пьяного скотника Митрича, который обосновывал своё состояние производственной необходимостью: дескать, самогон отшибает специфические запахи скотного двора.

Однажды Тихон, изрядно погоняв председателя вокруг пруда, навсегда отшиб охоту у Еремеича контролировать скотный двор. Председатель, углубившись в кресло правления, стал руководить колхозом сидя, не вставая с мягкого рабочего места.

Такое дистанционное управление всем пришлось по душе. Наступила тихая мирная жизнь. Самостоятельные смышлёные телята сами будили Ивана, когда им нужно было идти домой с поля.

Бывало, что телята заигрывались, забывая разбудить Ивана, и тогда бык Тихон издавал грозный мык, призывая всех к дисциплине.

«Хозяин», – млели коровы.

«Вот такого бы нам председателя!» – восторгалась доярка Нюрка.

Тихон слыл грозой на пять окрестных деревень; особенно свирепо относился к пьяным, прощая только Митрича, у которого была уважительная причина.

И всё было бы хорошо, если бы не начальство из райцентра, которое тоже дистанционно управляло колхозами, время от времени для разминки и для острастки совершая «наезд» на деревню.

Комиссия с председателем подъехала на «газике» к скотному двору, а точнее, остановилась на краю деревни, так как дорога кончалась и начиналась полоса препятствий из навозных луж, коровьих лепёшек и прочего дерьма.

Бык, издали заметив комиссию, издал Ивану сигнальный «мук». Иван сигнал принял и неохотно, но проворно согнал телят с «силосного» поля.

Изредка обдавая ближайшую дамочку навозными брызгами, председатель шариком, заискивающе, катился впереди комиссии.

«У! Шляпа! Выкаблучиваешься!» – гневно подумал бык, раздул ноздри и издал такой душераздирающий рык, что… комиссия исчезла с такой быстротой, что все потом засомневались: а была ли она? Может, это был общий мираж, вызванный жарой?

Бык и председатель стояли лицом к лицу, морда к морде. Бык наклонил голову, покосился рогами в одну сторону, а потом в другую, прицеливаясь, как бы поудобней поддеть председателя!

Пока бык готовился к нападению, к председателю вернулась способность к передвижению. С проворством колобка из известной сказки он вкатился в скотный двор и с обезьяньей ловкостью, перемахнув через несколько стойл, буквально взлетел к потолку на стену коровника и… окаменел.

Удивлённый бык не успел догнать председателя.

Тихон попытался дотянуться до ног Еремеича, но безуспешно. Стены коровника были таковы, что было во что вцепиться мёртвой хваткой; к тому же председателя привлёк кусочек голубого неба, видневшийся сквозь немалую дыру в стене.

Снимали председателя всей деревней, так как присутствие быка в коровнике сильно «закрепило» Еремеича под потолком. Сначала мужики пытались его сдёрнуть за плащ, но бабы застеснялись, увидев, что с плащом вместе срывается всё, но не председатель.

Тогда скотник Митрич предложил сбить председателя оглоблей, как застрявшую на дереве грушу, но его жена. Клавдия своевременно упредила событие, заявив, что «эдак можно и забить начальство».

Тракторист Васяга, славившийся на всю округу фантастической силой, предложил стащить председателя за ноги; но фельдшерица запретила, опасаясь оставить председателя без нижних конечностей.

Тогда местный столяр-плотник, мастер золотые руки Трифон предложил выпилить председателя вместе с частью стены коровника. Но стена коровника была сделана из не понятно чего и пилению не поддавалась. Присутствие быка напрочь зачеркнуло все старания односельчан.

И лишь сообразительный Иван внёс разумное предложение: вывести быка наружу и показать его председателю.

Народ одобрительно загудел. Агрономка Валя приказала по такому случаю притащить самую большую тележку и подстелить в неё соломки, для чего разрешила разобрать свежесмётанный стог. Услужливо взбив солому, агрономка подала сигнал.

Бык сначала упирался и не хотел покидать пост; он жаждал мщения, но, соблазнённый картофельными ватрушками, спешно принесёнными дояркой Нюркой, он пошёл на улицу.

«Всё равно не уйдет», – думал Тихон.

Увидев в проёме стены нечеловеческое лицо председателя, бык издал звук сигнальной трубы деревообрабатывающего завода, находящегося в пяти километрах от деревни. Говорят, рабочие на два часа раньше покинули свои места.

Председатель кулём рухнул в тележку. Фельдшерица, нащупав слабый пульс, выдохнула: «Жив». Народ облегчённо вздохнул и с радостными возгласами, шутками, гиканьями покатил тележку со скотного двора.

Когда процессия проходила мимо пруда, местный пастух Васюк предложил «помыть председателя в пруду», мотивируя это тем, что из штанов спасённого дурно пахнет. Не открывая глаз, председатель ещё крепче вцепился в края телеги.

Народ расслабился. Маланья на радостях затянула «Матаню», невесть откуда взялась гармошка и… такому торжественному въезду в деревню позавидовала бы сама Клеопатра, въезжая в Рим.

Бабы из окон махали платочками, старухи крестились, толпа ликовала. Развернулось внеочередное (в страду!) массовое гулянье, посвященное спасению председателя.

На следующий день председатель не вышел на работу… и на следующий день… и на следующий…

«Слава Богу, – думал Иван, засыпая под родным кустиком, – пусть из своей Москвы руководит, а здесь нечего мешать».

Жили-были…

Сашка-романтик
(грустная быль)

До чего же красив был Сашка! У каждой девчонки сердце замирало при виде его. Интересен он был и тем, что открытостью души своей и порядочностью отличался от других парней в деревне.

Как он мечтал в свои семнадцать лет побывать в дальних странах, совершить что-нибудь необычное! Бывало, лежит в траве, смотрит на плывущие облака и говорит:

– Вот хорошо бы вместе с ними махнуть! Интересно, а куда они плывут, где дождём прольются?!

В деревне так и звали его: «Сашка-романтик».

Обидно, что воспользовались его романтизмом и жаждой приключений… в корыстных целях. Нашёлся один такой… тоже «романтик», но с другими интересами. Звали его Колька Роткин. Старше Сашки на пять лет, успел посидеть, за драку.

Да… Грустные воспоминания…

…В одно летнее солнечное утро деревня огласилась воплями продавщицы Тамарки. Когда всё население округи сбежалось к магазину, там уже была милиция с собаками и другие… «люди в чёрном».

Ограблен магазин! За всю историю существования деревни это первое воровство.

В те времена (а события происходили в 1955 году) в деревне и замками-то не пользовались, дверь закрывали «на палочку», что означало: дома никого нет. И вдруг воровство! Да ещё такого масштаба! Магазин всё-таки!

Воров нашли быстро. И это были Колька Роткин и… Сашка-романтик.

На позорном следственном эксперименте (вся деревня присутствовала!) Сашка показывал, как он взбирался на крышу, как пролезал через узкое отверстие, оставшееся от старой печной трубы и слегка «прибитое» досками, как спрыгивал внутрь магазина (а был Сашка ловок и спортивен) и как подавал Роткину «товар».

Из «улова» Сашка себе не взял ничего; Колька всё закопал у себя во дворе с надеждой воспользоваться «добычей» при удобном случае.

Затем Роткин предложил, ради озорства, залезть в правление колхоза. Там стоял двадцатилитровый бидон с мёдом. Роткин придумал спрятать бидон где-нибудь, назло председателю, который недолюбливал Кольку. Роткин умел убеждать, и Сашка согласился. Бидон закопали в кустах. В результате выпала Сашке «романтика» длиной в восемь лет. В семнадцать лет он совершил свой «приключенческий» поступок; пока шло следствие, исполнилось ему восемнадцать.

И вместо армии, что в те времена действительно считалось почётной обязанностью, «засудили» Сашку.

Сколько позора пришлось пережить матери, отцу, родне, а особенно – самому Сашке.

«Чёрный ворон» привёз его к правлению колхоза как особо опасного преступника: ну как же – похититель социалистической собственности.

Опять вся деревня сбежалась.

Многим не верилось, что **это** сделал Сашка, замечательный парень! Но большинство склонялось в сторону осуждения и считало его чуть ли не «врагом народа».

Старшая сестра, красивая двадцатилетняя девушка, кричала ему через стенку «чёрного ворона», что «дома всё хорошо, все здоровы», спрашивала, как он? Но не слышали они друг друга через жуткую броню машины.

Позднее, через много лет, оба вспоминали о пережитых чувствах и… плакали, как тогда, в тот трагический день.

А душераздирающая сцена около пруда, куда подогнал водитель своего «воронка», чтобы помыть его…

Рядом был отчий дом Сашки. Мать, обезумевшая от горя, подбежала к водителю:

– Сынок! Открой! Дай взглянуть на кровинушку мою!

Шофёр был неумолим:

– Не положено, мамаша!

Мать рухнула перед ним, вцепилась ему в ноги:

– Сынок! Милый! Очень тебя прошу!

Шофёр сглотнул ком, подкативший к горлу:

– Не положено… попадёт мне…

И уехал, так и не помыв машины. Мать долго лежала на земле, вцепившись руками в траву и стонала.

А Сашка? Сашка чувствовал, что находится рядом с домом. Ему даже «послышался» знакомый запах жареной картошки (хотя в доме толком не питались уже несколько недель).

Да! Грехи наши тяжки…

Позже в сельском клубе (вероятно, «для острастки» местного населения) был показательный суд.

Сашка сидел на скамейке, на сцене, растерянный, улыбающийся, похудевший, по-прежнему красивый и… хороший. Он был рад, что видел родные знакомые лица, и был мужественен, потому что в эти минуты он страдал и горько плакал… но никто не видел этих слёз… кроме матери.

…Долго ещё ей придётся ходить по деревне с опущенной головой и тяжким грузом на сердце, пока постепенно не утихнет недобрая память людей…

Влюблённый адвокат

«Вляпался» всё-таки Сашка-романтик… За участие в ограблении магазина грозила ему тюрьма. Убитые горем родители продали корову, чтобы нанять адвоката.

И вот однажды подъехала к их дому серая «Волга». Вышел из неё немолодой лысоватый мужчина, маленького роста, с брюшком, в сером плаще. Отмахнувшись шляпой от мух, он тут же прикрыл ею лысину и медленно «покатился» к дому.

Мать Сашки суетливо забегала, не зная, куда посадить высокого гостя. На ходу она лихорадочно соображала, чем его угостить, так как в доме, кроме картошки, ничего не было.

Сунув в спешке десятилетнему сыну Лёньке решето, она приказала посмотреть, не снесли ли «чего-нибудь» куры? Лёнька вернулся быстро: в решете было два яйца. Мать тут же отправила сына в магазин за «четверинкой» водки (букву «т» в этом слове деревенские почему-то опускали).

Через некоторое время адвокат (по фамилии Басов) уже сидел за столом, выпивал и закусывал. Он вяло слушал выстраданный рассказ матери о сыне, попавшем в беду. И тут… В дом вошла Анфиса, старшая сестра Сашки-романтика.

Адвокат застыл с открытым ртом и поднесённой ко рту стопкой… Его словно пронзило. Он… сразу влюбился! Да и как не влюбиться, когда перед ним возникла, будто из сказки, такая красавица!

Опрокинув стаканчик, Басов наконец заговорил. Голос у адвоката оказался тонким, что никак не связывалось с его толстой фигурой.

– Не беспокойтесь, мамаша! Всё будет наилучшим образом; за это баловство ничего страшного не будет, тем более… магазину вернули всё… и ещё чистосердечное признание зачтётся… – рассеянно нёс адвокат, уставившись на Анфису.

Анфисе стало неприятно от этого взгляда, и она, взяв вёдра, ушла за водой.

– Хороша! – сказал адвокат.

Мать решила, что речь идёт о водке и пожалела, что мало взяли.

– А где она работает? Или учится? – спросил адвокат.

– Кто? – не сразу сообразила мать.

– А кто сейчас входил?

– Дочка моя… Ах, дочка? На заводе работает. Вот со смены пришла.

«Эх! – подумал адвокат. – Разве можно такому бриллианту работать?! Да ещё на заводе…»

Уезжал внезапно влюбившийся адвокат с двумя счастливыми чувствами: во-первых, в руках он держал портфель с «целой коровой», предварительно превращенной в очень приличную сумму; во-вторых, за плечами его трепетали свежевыросшие крылышки любви, несмотря на то, что дома его ждала жена (правда, давно надоевшая) и двое детей.

Короче, зачастил адвокат в деревню. Сначала мать, поглощённая мыслями о Сашке, ничего не замечала; она только и делала, что занимала деньги и угощала адвоката. «Лишь бы это помогло», – думала мать. Адвокат хорошо кушал, хорошо пил и откровенно «пялился» на Анфису.

Однажды он приехал в нарядном костюме; от него так несло одеколоном, что даже кот Тихон расчихался.

– Где Анфиса? – спросил Басов тонким голосом.

– Так она с отцом на лугах. Косят после заводской смены… для колхоза, – ответила мать, не понимая, зачем адвокату нужна Анфиса.

– Значит, Анфиса и в колхозе работает?! – изумился адвокат.

– Приходится, – вздохнула мать.

– Вот хочу её в город пригласить… погулять, – прокукарекал адвокат и почему-то хитренько подмигнул матери, чем очень насторожил её.

«И это на ночь-то глядя!» – изумилась она.

Оставив адвоката наедине с «любовным настроем», мать побежала искать Лёньку. Он на крыльце возился с собакой. На всякий случай схватив Лёньку за ухо, она приказала ему:

– Беги на луга и скажи, чтобы Анфиса домой сегодня не приходила! Пусть у тёти Насти переночует!

– За что? – спросил Лёнька (то ли насчёт уха, то ли насчёт сестры).

– Беги, кому говорят! – прошипела мать.

Не поняв, за что наказывают сестру, Лёнька побежал на луга.

Прождав Анфису до темноты, адвокат отправился восвояси. Через минуту в дом вбежал Лёнька:

– Яшка адвоката лупит!

Яшка – тайно влюблённый в Анфису парень (правда, об этом знала вся деревня). Сам он с ней не «гулял» (пока стеснялся), но и никому из парней не позволял, так как имел к Анфисе самые серьёзные намерения, а также самый крепкий кулак в округе.

Кстати, и Анфисе Яшка нравился (но вот об этом не знал никто).

Мать выбежала на крыльцо, и первое, что увидела в полумраке, – это багровую лысину адвоката. Шляпа плавала в придорожной канаве. Яшка одной рукой держал адвоката за нарядный костюм, а другой собирался нанести знаменитый удар.

– Не надо, Яша! – прокричала мать.

– Здрасьте… – робко поздоровался Яшка с матерью своей любимой и разжал руку.

Отпущенный «Ромео» рухнул на пыльную дорогу.

Больше адвокат в деревне не появлялся.

А Сашке – восемь лет дали… несмотря на «коровьи» деньги.

Батон

– Батон… Батон… – тихонечко проговорила Анечка, сидя на крыльце, и громко добавила:

– Ну, как? Слышно?

– Да вроде нет, – ответила её подруга Анфиса, вылезая из кустов. – Иди! Теперь ты послушай.

Анечка в кусты не полезла, а зашла к ним в тыл.

– Витя-Батон… Витя-Батон… – почти шептала Анфиса с крыльца. – Ну? Как?

– Слышно, но непонятно, – сказала Аня.

– Девки! Что вы заладили: батон! батон! Идите спать! – возмутился из окна отец Анфисы.

– А ты, старый, лучше помолчал бы, – сказала мать Анфисы, Александра Ермолаевна. Она возвращалась с огорода. И хотя ещё не знала, о чём идёт речь, сразу встала на защиту девушек. – За что он вас ругает?

– Тёть Шур! – начала рассказывать расстроенная Анечка. – Вчера у меня было назначено с Витей свидание вот здесь (она указала на кусты). Ну, мы вышли с Анфисой, сели на крыльцо, и я начала ждать. А его всё нет и нет. Я и говорю: «Где же мой Батон?». Вы же знаете, что кличка у него такая.

– Как не знать! – оживилась мать. – Его в детстве Батончиком называли: уж больно хорошенький был, кругленький, беленький, булочки белые шибко любил. А вон каким стал статным! Ну, какой он теперь Батончик? Вот и поправили его на Батон.

– Ага… – продолжала Анечка. – Анфиса и говорит: «Да приедет твой Батон! Может, у него велосипед сломался!» Короче, сидим мы и о Батоне разговариваем, да ещё смеёмся и через каждое слово: Батон да Батон. А его всё нет и нет. Тут мы насторожились: неужели он услышал всё, обиделся и уехал?! Вот мы и проверяем сейчас: слышно было или нет.

Анечка чуть не плакала.

– Не расстраивайся, – утешала её Анфисина мать, – может, он и не приезжал вовсе, дела какие были. Даже если слышал и обиделся… Любит – приедет.

– Меньше над парнями надо издеваться! – громко возмущался отец из окна. – Моду взяли! Обидеть хорошего парня! Тем более из соседней деревни ходит! И каждый день! И после работы!

– Не ходит, а ездит, – встряла Анфиса, – на велосипеде.

– Теперь уж не приедет, наверно, – сказала Анечка и заплакала.

Отец опять появился в окне:

– Не реви! Зайду я завтра к твоему Батону. Мне как раз в Бормусово по делам надо. Так и скажу: что, мол, насчёт «Батона» девки пошутили.

– Ещё больше всё испортишь, дуралей старый! Зачем слово «Батон»-то повторять? «Насчёт Батона пошутили…» – передразнила мать отца.

Тем временем неслышно к кустам подъехал на велосипеде сам Батон.

Он уже с другого конца улицы подробно слышал «дебаты» о себе. Особенно гремел Михал-Степаныч (так звали отца Анфисы).

Витя давно был влюблён в Анечку Крылову, молодую симпатичную библиотекаршу с длинной косой.

Аня приехала в деревню из райцентра. Она подружилась с Анфисой да так и жила в доме добродушного Михал-Степаныча.

– Тёть Шур! – доверительно рассказывала Анечка. – Ведь он мне так нравится! Я бы за него и замуж согласилась…

И Анечка снова заплакала, уткнувшись тёте Шуре в плечо.

При таких словах даже Михал-Степаныч перестал «грохотать» и, расчувствовавшись, сказал:

– Всё равно завтра зайду к Батону.

А Батон… Стоял в двух шагах и не дышал от волнения. Его сердце сначала куда-то упало, потом высоко подпрыгнуло… от счастья.

– Здорово, Вить! – услышал он над ухом. Это подошёл скотник Митрич (возвращался с работы).

– Чего это они тебя здесь дразнят, а ты спокойно слушаешь?! – продолжал Митрич. – Я аж от скотного двора слышу.

– Ой! Батон! – воскликнули женщины как по команде, обнаружив, что они не одни.

Осенью сыграли свадьбу. А через год у Анечки и Виктора появился мальчик.

– Ах ты мой Батончик! – прижимая к груди малыша, радовалась Анечка. – Батончик ненаглядный!

– А-гу! – согласно отвечал малыш, а счастливой матери слышалось: «А-га!»

Надюшка

Посвящается сестре

Надя лихорадочно вытаскивала резиновый сапог, провалившийся в трясину. Сверху хлестал дождь. Надя промокла по самое некуда.

– Надюшка! – кричал отец, стараясь приободрить дочь. – Быстрей вставай! Сено погибнет!

«Погибну, наверно, я», – подумала Надя и, наконец, вытащила сапог. Она вылила из него болотную жижу вместе с симпатичной лягушкой и невольно залюбовалась её необычной зелёной окраской.

«Ква!» – поблагодарила лягушка и исчезла в родной пучине.

Быстро надев спасённый сапог, Надя побежала по болотной трясине на помощь отцу.

Хмуриться не надо, Лада!
Хмуриться не надо, Лада! —

донёс ветер со стороны деревни: у Петрушкиных гуляла несвоевременная для сенокосной поры свадьба – женили сына.

«Им там легко не хмуриться… на гулянке всё-таки, – думала Надя, – и этот дождик ещё навязался…»

Природа услышала жалобу Нади и «выключила» дождик. Облака расступились и выпустили солнце. Повеселело, но работалось без улыбки.

Отец ловко продевал копну у её основания двумя оглоблями – и носилки готовы. Бери и тащи! Переправить копну сена из зыбкой трясины на твёрдое место – дело по плечу не каждому.

Иногда трясина сопротивлялась выносу своей «собственности», и один из несунов проваливался чуть ли не по пояс.

Отец и дочь двигались, как на замедленной плёнке: «два муравья тащат огромную кучу». Посмотреть со стороны – умора! А подойти поближе, то не до смеха – пот, боль, усталость.

«Жаль Надюшку», – думал отец о любимой дочке, но, уверенный в своём собственном здоровье, был уверен и в здоровье дочери, считая, что труд только укрепляет его.

Отцу было невдомёк, что пятнадцатилетняя девочка может надорваться от такой «грузоподъёмности».

– А наша корова не облопается с пяти стогов? – спросила, запыхавшись, Надя.

– Ей и одного стога достаточно.

– А зачем мы надрываемся?

– Четыре стога для расплаты за него, – пояснил отец. – Колхозу.

– Значит, не наша, а колхозные коровы облопаются, – прикинув в уме, подытожила Надя.

Отец собственным горбом понимал эту арифметику и кабальность условий, но регулярно, каждое лето, отдавал свой «долг» (правда, непонятно, кому).

Парадокс, но колхозное стадо никогда не производило «упитанного» впечатления, скорее… наоборот.

На луга ходили, как на… не развлекаться, короче говоря.

Отец сооружал остожье на сухом месте из ольховой поросли и первоначально укладывали сено на подготовленное место вдвоём.

Потом Надя вставала в центр уложенного квадрата и «плясала», утаптывая его. Было здорово «пружинить»!

Отец подкладывал длинными вилами новые охапки: сначала по углам, затем по бокам и, наконец, в центр, где стояла Надя, заваливая её с головой. Надя хохотала!

Отец работал осторожно, постоянно предупреждая, куда направляются вилы.

Постепенно стог рос. Горизонт для Надюшки расширялся, у неё захватывало дух при виде всё новых и новых просторов. Хотелось подольше полюбоваться этой красотищей, но зевать было некогда: отец то и дело подбрасывал здоровенные охапки – их нужно было принять граблями, правильно распределить и хорошенько «уплясать», чтобы стог не развалился.

Геометрия стога соблюдалась строго – отец был мастером своего дела.

Однажды, ещё в 1957 году, сильнейший ураган, пронёсшийся над краем, «разбомбил» кирпичное овощехранилище, поджёг дом Васьки Пятака, повалил множество столбов и деревьев, но стога, поставленные отцом в самых разных покосных местах, стояли, «как солдаты». Ни одна травинка с них не упала.

Вот какие крепкие «сооружения» ставил отец, даже ураган их не тронул.

Самыми счастливыми минутами для Нади были моменты, когда отец отходил за дальними копёнками: можно было лечь на стог, раскинуть руки и смотреть на небо.

Возникало ощущение настоящего полёта вместе с плывущими в небе облаками. Сердце замирало!

А затем можно было перевернуться на живот, обнять стог руками и наслаждаться чудодейственным запахом.

– Надюшка! Не спать! – кричал снизу отец. И тут же в Надю летела огромная охапка.

Однажды, когда сооружался очередной стог, отец «подложил» Наде… змею.

А дело было так…

Приняв сено, Надя начала граблями распределять его, и вдруг заметила серую ленточку, которая стала самопроизвольно извиваться.

Наученная быстро уворачиваться от острых вил, Надя (хотя в глазах уже рябило от сена) моментально отреагировала.

– Змея! – завопила она и столкнула заброшенную отцом охапку обратно.

Отец тоже «отреактировал» мгновенно, отскочив в сторону. Прежде чем продолжить работу, отец убедился, что змея сброшена. Это была длинная серая красавица-гадюка.

Отец не стал её убивать.

– Пусть живёт! На земле нет ничего лишнего, – рассуждал он.

– Па! А если она кого-нибудь укусит? – переживала Надя.

– Сапоги надо надевать резиновые… да и расходиться с миром, – мудро объяснил отец. – Не она к нам пришла, а мы к ней.

После встречи со змеёй работали молча и с удвоенной осторожностью.

И вот – конец, делу венец!

Был ещё один момент, замечательный для Нади, – спуск с высокого стога на землю.

Отец подставлял к краю стога две длинные гладкие оглобли, и Надя, «как по рельсам», с визгом съезжала вниз.

Утешая себя этими приятными воспоминаниями о метании стога, Надя тащила с отцом последнюю копну и думала: «Хорошо, что скоро будет приятная работа…»

Хмуриться не надо, Надя!
Хмуриться не надо, Надя!.. —

послышались ей обрывки песни, в которой ветер переименовал Ладу в Надю.

– Шабаш! – сказал, наконец, отец. – Домой!

По привычке пружиня, как на трясине, Надя шла вслед за отцом по знакомой тропинке.

И всякий раз, когда она, усталая, возвращалась домой, от земли исходила необъяснимая сила, которая брала Надю за руку и вела сквозь лес, через поле в синеглазых васильках, подмигивающих ей, к родному крыльцу.

На крыльце усталых тружеников, как всегда, встречала почти неразлучная парочка: пёс Цезарь и слегка заспанный, но важный и мудрый, кот Васька, знаменитый своей белой «манишкой».

– Ж-ж-и-вут ж-же… – жужжал над головой Нади шмель-сплетник, имея в виду Цезаря и Ваську.

– И правильно делают, что живут, – возражала ему Надя, гладя своих любимцев.

Спустя минуту, угощая Ваську молоком (Цезарь предпочитал другое меню), Надя назидательно говорила:

– Ты сначала понюхай! Сеном пахнет!

И, вздыхая, добавляла:

– И моим пóтом…

Но не было в тот момент никого на свете сильнее и счастливей Нади…

Королева красоты и частица «не»

– Расти, коса, до пояса, не вырони ни волоса, – приговаривала мать, причёсывая дочку, и… доприговаривалась. Выросла у Кати Королёвай коса не до пояса, а… до «этой самой», в общем.

– Наша деревня отродясь косая, – говаривали местные старожилы. – Мужики косые, особенно по праздникам. Бабы, окромя косы, другой причёски делать не умеют. И названьице деревни подходящее.

Действительно: имел место тот самый случай, когда название отражало содержание, ибо деревня называлась Косово.

Что верно, то верно: косой в этой деревне никого не удивишь, поэтому и Катина коса восторгов у односельчан не вызывала, а вот заезжие городские восхищались: «Королева красоты!»

И было чему удивляться. Коса у Кати представляла собой толстый канат цвета пересохшей соломы. Сие творение природы весьма гармонично дополнялось очаровательными веснушками. Обладательница этих прелестей, тем не менее, очень переживала и расстраивалась.

В школе Катя училась отлично, но была, как многие деревенские, робкой и застенчивой.

После восьмого класса она (для облегчения своих страданий) отрезала косу и решила поехать в райцентр поступать в педагогическое училище.

Директор школы напутствовал свою любимую ученицу словами:

– Запомни, Катерина! Ты умница! Сдашь на одни пятёрки. Главное, не робей, обходи панику стороной и не слушай лишнего. Кстати, зачем косу-то отрезала?

– Чего я буду там позориться-то с косой, – объяснила Катя.

– Понятно, – сказал ничего не понимающий в причёсках директор, – тогда в добрый путь!

Без косы, зато в новом платье и в новых босоножках, Катя бодро шагала по центральной площади райцентра.

– А я одной тобой любуюсь,
И сама не знаешь ты,
Что красотой затмишь любую
Королеву красоты! —

кричал из репродуктора ей вслед Муслим Магомаев[1], которого она тайно обожала.

Катя приосанилась и, посмотрев на себя в витрину магазина, где стояли манекены, согласилась со знаменитым певцом: «А я и впрямь без косы хорошенькая! Не хуже этих…» – и она высокомерно, снизу вверх, покосилась на манекены.

Внутри у Кати встрепенулось что-то королевское, благо и фамилия этому способствовала. С гордо поднятой головой, на которой с лёгкой руки Магомаева тут же «выросла» «корона», она дошествовала до училища.

Около входа гудела огромная толпа, безжалостно заражающая подходивших неуверенностью и страхом. Катя почувствовала, как её «корона» дрогнула и, щекоча макушку, начала сползать набекрень.

Внезапно кем-то невидимым прокричалось приглашение «На диктант!», и все нервно ринулись в открывшуюся дверь.

Толпа «схватила» Катю за рукав, затем за подол платья и… потащила. «Хорошо, что косу отрезала», – успела подумать только что коронованная королева.

---

[1] Муслим Магомаев – знаменитый певец, расцвет творчества которого был в 60-70-х годах 20 века.

«Корона», между прочим, едва держалась на голове, и кто-то в толкучке окончательно сбил её, поэтому в здание Катю втолкнули как… простолюдинку, не годящуюся даже в служанки королевы.

Уже в вестибюле, плывя по течению, Катя вдруг отпрянула, увидев рядом помятое существо с веснушчатым лицом и копной соломы на голове. Существо отдалённо напоминало ей кого-то из знакомых.

С трудом признав саму себя, Катя притормозила и вывернулась из потока. Перед ней было огромное зеркало, которое красноречиво укоряло её за вид растрёпанного молоденького домового.

«Здесь без граблей не обойтись», – вспомнила удобный инвентарь Катя, лихорадочно разгребая расчёской «солому» на голове.

Пока она занималась «сельхозработами», народ захватил аудиторию. Естественно, Кате досталось единственное место под носом у комиссии, в центре которой сидела большая сердитая женщина.

«Наверно, Главная», – подумала Катя.

Главная посмотрела на Катю и металлически произнесла:

– Всё лишнее оставить при входе!

Катя не шелохнулась.

– Я Вам говорю! – разгневалась Главная.

Раздумывая, что же может быть лишним, Катя вытащила из кармана носовой платок, расчёску, мелочь на обратную дорогу домой, авторучку.

Главная выплыла из-за стола, обошла Катю вокруг, особенно внимательно посмотрев почему-то на заднюю часть её тела, а затем, не найдя ничего, обиженно поджала губы и ушла обратно, в комиссию.

Диктант оказался настолько простым, что Катя не верила собственным ушам. Проверив его вдоль и поперёк, она, привычно уверенно, первой пошла сдавать работу.

– Всё? – возмутилась Главная, взяв листок.

И недовольно добавила:

– Что ж, свободна.

Катя запоздало испугалась.

Через несколько минут толпа снова гудела на улице. Со всех сторон доносилось:

– Частица «не»… частица «не»…

– Ничежописе! – негодовала девица интеллигентной наружности с модной стрижкой. – Диктантик! Сплошные частицы «не»!

– Да что они?! Совсем что ли!? Зарезать нас хотят! – вторил чей-то вопль.

Кто-то невидимый выкрикнул, что через полтора часа огласят результаты.

Время ожидания повергло Катю в ужас. Наслушавшись окружающих, она окончательно уверовала в то, что в сельской школе её учили по совершенно другим правилам, так как частицу «не» (из того, что ей удалось расслышать) она написала с точностью до наоборот.

«Эх, ты, деревня!» – мысленно обиделась Катя на директора, который преподавал у них русский язык.

Тут на крыльцо выскочила женщина из комиссии, подняла руку и начала что-то читать по бумажке.

Народ, привыкший к долгой организации, не сразу утихомирился, поэтому слышно стало, начиная с буквы «И»:

– Иванова – 3, Исаева – 2, Королёва – 2, Королёва – 5, Краснова – 4…

Катя помертвела…

– Сколько, сколько Королёвой? – раздалось где-то сбоку от Кати.

Катя удивилась: кто это ею интересуется?

Женщина из комиссии невозмутимо дочитала список до конца, а затем преподнесла первый строгий урок:

– Что за невоспитанность! И это будущие педагоги!

Как вы будете учить детей?! Если поступите, конечно… – и, окинув всех осуждающим взглядом, добавила: – Списки вывесят в пятнадцать часов.

Она собралась удалиться, но её путь внезапно перекрыла представительная полная женщина. Рядом топталась девчонка с каштановой косой.

Толстуха, не мешкая, громко атаковала:

– Назовите точную оценку моей дочери! Сначала Вы сказали «2», а потом «5». Так что же на самом деле?

Катя поспешила на «разборку» в надежде узнать свой результат.

Женщина из комиссии, окинув взглядом преграду и признав неравномощность комплекций, решила не связываться.

– Как фамилия? – недовольно спросила она.

– Королёва, – прозвучало в три голоса.

Все почему-то посмотрели на Катю, но Катя, вспомнив наказ директора «не робеть», смело сказала чистую правду:

– Я тоже Королёва.

Женщина из комиссии оживилась:

– Королёва с косой и Королёва без косы… Любопытно! Надо посмотреть.

Она открыла список:

– Королёва – 2, Королёва – 5… Что такое? Секретарша не проставила инициалы, – и, вздохнув, добавила: – Ну, вот! Идёшь навстречу, многим же ехать за город. Списки писались в спешке. Ничем не могу помочь. Всё будет известно в три часа.

Уходя, женщина из комиссии ядовито хихикнула:

– Кто же из вас двоечница? Королёва с косой или Королёва без косы? Интересно…

Королёва с косой и её мать дружно уставились на Катю.

– Сколько у тебя в аттестате по русскому? – строго спросила Королёва с косой.

– Пять, – прошептала Катя.

– А из какой ты школы? – ещё строже спросила мамаша.

– Я из деревни Косово, – еле выдохнула Катя.

– А… из деревни… – хором облегчённо завершили допрос Королёвы-конкурентки и потеряли к Кате всякий интерес.

На ходу мать утешала дочь:

– Ну, **что** значит пятёрка в сельской школе?! Наверняка, нарисовали…

Катю душили слёзы.

«Ну, чем вам деревня-то не угодила?» – мысленно прокричала она вслед обидчикам.

Опустив голову, Катя побрела прочь. Сомнения развеивались. Всё, что она сегодня услышала, говорило в пользу двойки.

На площади, обрадовавшись появлению Кати, Магомаев радостно запел:

– А я иду к тебе навстречу,
И я несу тебе цветы,
Как единственной на свете
Королеве красоты.

«Ну, какие цветы! Какие цветы! – рассердилась Катя. – Не видишь что ли: двойка у меня! И всё из-за проклятых частиц „не“».

Остановившись около знакомой витрины, Катя вдруг увидела НЕсчастное, НЕкрасивое, НЕпривлекательное создание: в общем, королеву красоты с частицей «НЕ».

Катя судорожно вздохнула. Отрицательные частицы буквально облепили её. Они были всюду: и на платье, которое казалось теперь совсем НЕмодным, и на волосах, которые Катя просто возНЕнавидела, и на босоножках, которые по цвету НЕ подходили к платью…

Тело начало зудеть и чесаться.

Сделав отряхивающее движение, Катя снова бросила взгляд на витрину и увидела там какое-то забавное животное, пытающееся стряхнуть с себя блох. Это было последней каплей.

Садясь в автобус, Катя вспомнила, что забыла забрать документы. Пришлось вернуться.

Около списков гудел народ. Кто-то радовался, кто-то плакал. Без всяких чувств Катя начала искать свою фамилию.

И вдруг! Королёва Е. И. – 5.

Катя задохнулась.

«Спокойно, – одёрнула она себя, – не ликовать! А где здесь Королёва с косой?»

Ниже была запись: Королёва И. И. – 2.

«Ура!!!» – закричало всё внутри Кати.

От этого крика отрицательные частицы с грохотом (как показалось Кате) посыпались с её тела на пол. А, может, это сердце так громко застучало. В общем, внутри у Кати стало очень шумно.

Немного оправившись от счастливого шока, Катя хотела рвануть на автостанцию, но… кто-то цепко схватил её за руку. Это была мать Королёвой И. И.

– Идём разбираться, – жёстко приказала она.

В учебной части уже знакомая женщина из комиссии подняла голову от бумаг:

– А! Королёва с косой и Королёва без косы… Ну, и кто из вас двоечница?

– А это мы сейчас разберёмся! – грозно сказала Королёва-мать. – Короче, я требую показать наглядно: кто есть кто. У вас сегодня уже была одна ошибка, а где есть одна, может быть и другая. Сами посудите: Королёва Е. И., Королёва И. И. Нетрудно и оценки переставить. – Возмущённая женщина набрала побольше воздуха: – А может, вы сами наисправляли, чтобы эта (она указала на Катю) поступила по блату?!

На стол мгновенно легли два диктанта.

Катя сразу узнала свой. Из красного цвета на нём была только «пятёрка».

Однофамильцы Кати, брызжа недовольством, покинули помещение.

– Поздравляю Вас, Королёва без косы, – с улыбкой сказала женщина из комиссии, – Вы не двоечница.

«Сама знаю», – подумала Катя, с благодарностью вспомнив своего директора и мысленно попросив у него прощения за недавнюю обиду.

– Красавиц видел я немало
И в журналах, и в кино,
Но ни одна из них не стала
Лучше Кати всё равно! —

восхищался Муслим Магомаев, встречая Катю на центральной площади. В эти минуты ей казалось, что любимый певец поёт именно о ней.

Она снова почувствовала себя королевой и торжественно зашагала на автостанцию.

Трясясь в разбитом автобусе, Катя, стоя на одной ноге среди корзин и тюков, не переставала ощущать себя королевой.

А коса у Кати снова выросла. Да ещё какая! Правда, Катя ограничивала её размер до уровня «выше пояса», так как прежняя единица измерения натыкалась на неприличное слово; к тому же в праздничные дни удобно было распускать волосы.

Что тогда творилось! Даже учителя-мужчины к ней «кадрились», а преподаватель педагогики пошёл дальше всех, откровенно (прилюдно) ляпнув:

– У Вас, Королёва, волосы пахнут ромашками и васильками. Полем, одним словом. Так и хочется зарыться лицом в Вашу «солому».

Студенты тут же в шутку обозвали Катю «Королевой полей». Катя сначала обижалась, так как услышала намёк на кукурузу, которую во времена Никиты Сергеевича Хрущёва[2] называли «царицей полей»; но потом привыкла к своему прозвищу, и ей даже стало нравиться «ходить в королевах», пусть и полей.

Однажды, на новогоднем вечере, сам Дед Мороз (под маской которого прятался влюблённый в Катю однокурсник Колька Комаров) надел ей на голову «золотую» корону… за маскарадный костюм кукурузы.

Катя была счастлива. Дед Мороз, не удержавшись, поцеловал её.

И тут откуда ни возьмись выскочил неизвестный симпатичный парень, вырвал микрофон из рук Деда Мороза и громко, нагло объявил:

– Запрещаю целовать Королёву! Даже Деду Морозу! Она скоро станет моей женой! – И исчез.

– Наглец! – возмущённо в микрофон сказал Дед Мороз.

– Трепач! – восхищённо поддакнула Снегурочка. – И откуда только взялся?!

Но парень сдержал своё слово.

Перелистывая альбом с фотографиями, Екатерина Ивановна Соколова (в девичестве Королёва), спрашивала свою трёхлетнюю внучку, гладя по «соломенной» головке:

– А это кто?

Глядя на фотографию, внучка отвечала:

– Дед Молоз, Снегулочка… а это ты – кололева класоты…

Вот такая история… с продолжением.

Спасибо тебе, Варвара!

«Среди долины ровным…»

Преподаватель, словно миноискателем, водил своей авторучкой по строчкам журнала.

– Тык-тык… Что здесь у нас? Ага! Малышкина Варвара… Вот она! – обрадовался Преподаватель, напав на цель. – Чукина Анна… Нашёл!

«Попавшиеся» медленно поплелись на вызов, подталкивая друг друга (каждая хотела идти сзади). Преподаватель (для ускорения) включил строгий взгляд, и хрупкие лепестки надежды на то, что «пронесёт», трепещущие в душах девчонок, тут же завяли и осыпались.

Варварин живот издал жалобное урчание, и она, испугавшись, что её и впрямь «пронесёт», укоротила свой шаг втрое. Щупленькая Аня врезалась в её широкую спину, а заодно и спряталась за ней.

---

[2] Н. С. Хрущёв (1894–1971) – советский партийный и государственный деятель. С 1953 г. – 1-й секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958–1964 председатель Совета министров СССР.

– Будете участвовать в новогоднем концерте! – громко и радостно объявил Преподаватель. – Сыграете дуэтом «Среди долины ровныя…» Вы, Малышкина, исполните мелодию в среднем регистре (только не рвите баян во время игры), а Вы, Чукина, то же самое на октаву выше.

Преподаватель в виде двух крестов впечатал в журнал свой приговор, а затем, сделав таинственные глаза, заговорщески прошептал:

– Жаль, что вы музыкальную школу не кончали. Я бы перевёл вас на музыкальное отделение. Оно куда веселее, чем ваш факультет начальных классов. И потом, «учитель музыки» звучит громче, чем «учитель начальных классов».

– Я боюсь… Я ни разу не выступала, – еле выдавила из себя Чукина Аня.

– Я тоже… Я и в обморок могу упасть… прям на сцене, – басом «допела куплет» Варвара.

Варвара была монолитной фигурой внушительных размеров. Аня представила, как Варька рухнет на сцене, и нервно хихикнула.

– Ничего страшного не произойдет, – мажорно-весело сделал своё заключение Преподаватель.

– «Музыканты» над нами смеяться будут, – минорно-грустно сказала Варвара.

– И причём почти четыре года, – добавила Аня, – мы же первокурсники.

– Эх вы, глупышки! С «музыкантами» семь лет музыкальная школа мучилась. А вы у меня за одно полугодие заиграли! – Преподаватель изобразил что-то вроде удара кулаком в грудь. – А ведь перед вами стоит другая задача: освоить всего лишь основы музыкальной грамоты, чтобы перед учениками начальных классов не ударить в грязь лицом и при необходимости проявить свою эрудицию и всестороннюю развитость. В общем, не подведите! Я понятно объяснил?

– Ага, – упавшим дуэтом промямлили девчонки.

Тем не менее, Варвара схватилась за соломинку:

– Пьеска-то не новогодняя…

– Классика всегда к месту, – рассердился Преподаватель, захлопнув свой журнал, а заодно и все ходы отступления.

«Глупышки» поняли, что это приказ и они должны продемонстрировать со сцены успех своего Преподавателя.

«Что-то я перестаралась с этим баяном, – с опозданием спохватилась Варвара, – мне ведь и тройки достаточно. Эх! Заболеть бы…»

Но она знала, что этот номер не пройдёт.

Однажды, чтобы избежать контрольной по химии, Варвара босиком, в одном халатике, почти час простояла на морозном крыльце.

Её подруга Нинка Ермилова, наблюдавшая за истязательной процедурой, замёрзла до заикания (несмотря на свои валенки и шубу) и на следующий день свалилась с высоченной температурой, а краснощёкая Варвара даже не чихнула ни разу.

В результате, контрольной по химии избежала Нинка, а не Варька.

Новоиспечённые артистки, каждая думая о своём, понуро брели по коридору.

– Что теперь будет? – вслух сокрушалась Аня.

– Да чхала я на всё! – плюнула Варвара.

– Ой! Марусёв! – шёпотом вскрикнула Аня. – Давай обойдём по другому этажу!

И она почти побежала к лестничной клетке, волоча за руку крупногабаритную Варвару, которая упиралась и «грохотала»:

– Да чхала я на него!

Марусёв, студент четвёртого курса музыкального факультета, был злой личностью училища. Это красивое, высокое, модное и броское воплощение себялюбия и цинизма очень нравилось девчонкам. Вероятно, ослеплённые яркой внешностью кумира, они не замечали его душевного уродства.

Варвара и Аня были оригиналками: они резко отличались от своих сверстниц внешними данными и к тому же не входили в толпу поклонниц «первого парня».

Именно поэтому Варвара и Аня стали для Марусёва самыми прекрасными… объектами для издевательств.

Аня ненавидела свою внешность.

«Одежонка серенька, волосёнки реденьки, – молча, по-старушечьи причитая, критиковала она себя, – да ещё этот нос для двоих рос, а мне одной достался… А созвучие имени и фамилии… Так и рифмуется: Чушкина Нюшка!» (Кстати, именно так и называл её Марусёв со своими приближёнными.)

Варвара к своей внешности относилась более терпимо.

– Шуба овечья, зато душа человечья! – мудро изрекала она.

Варвара и Аня не были подругами, но специфическое внимание Марусёва сблизило их. «Влюблённость» злого молодца «избранницы» переживали по-разному: Аня – со страхом, Варвара – с хладнокровностью скалы. «Чхала я на него!» – неизменно плевалась она.

Сей любовный треугольник напоминал равнобедренный. Марусёв «восседал» на вершине и своими «ядовитыми колючками» одинаково забрасывал что Варвару, что Аню. Отсутствие «чувств» с их стороны ещё сильнее раскаляло его страсть.

Фамилия Варвары и объём её тела не соответствовали друг другу, что являлось основным вдохновляющим фактором для Марусёвских фантазий.

Варвара железобетонно реагировала на жалкие потуги хамоватого парня. Чтобы «тронуть» Варварино сердце, Марусёву приходилось изощряться.

– Эй! Варька-Малышка! Когда окороками торговать начнёшь? – нарочно громко, чтобы всем было слышно, кричал он, намекая на её полные бёдра.

Варвара брезгливо выпячивала нижнюю губу и «уничтожала» противника:

– Кто это там булькает в помойном ведре? Неужели Маруськин?! А сказали, ты ядом захлебнулся. И какой идиот тебя откачал? Что-то харя у тебя очень зелёная и заплывшая. Если лопнешь, то, наверно, всю Московскую область отравишь.

И, царственно неся свои «окорока», Варвара гордо удалялась. Марусёв и компания ещё долго кипели и на все лады перемывали Варварины косточки.

Аня Чукина «развлекала» Марусёва по-другому.

Если Варвара всё-таки оставляла некоторую досаду в душе негодяя, то Аня приводила его в бешеный восторг и заряжала весёлым настроением на целый день.

Марусёву, словно вампиру, была нужна эта маленькая, нескладная, неказисто одетая девчонка с длинным носиком (этакая деревенская «нюшечка»).

(Кстати, фамилия Малышкина шла больше Ане, чем Варваре.)

Наглеца забавляло, как Аня, ссутулившись и втянув голову в плечи, буквально шарахалась от него и его дружков.

Сама Аня в эти минуты страстно ненавидела себя (и весь мир заодно), с одной стороны – за свою внешность, с другой – за собственное малодушие и трусость.

«Ну почему? Почему? Родители симпатичные, родственники тоже. А я!» – молча плакала она.

И вот наступил день, когда…

Варвара и Аня стояли за кулисами.

– Не дрейфь, Нюра! Сейчас мы им покажем, как нотки кукуют! – подбадривала Варвара полуживую напарницу.

Со сцены доносился слащаво-радостный голос конферансье, нагловатого красавца из старшекурсников-музыкантов (кстати, из окружения Марусёва).

– …Итак, открывает концерт новогодний сюрприз! – воскликнул ведущий.

– Вот здорово! Сначала какой-то сюрприз будет! – обрадовалась Варвара. – Есть время помыслить хорошими мыслями о жизненном смысле.

Варвара специально «заплела» слова, чтобы вернуть Аню из «другого измерения».

– Выступают дебютантки: Малышкина Варвара и Чукина Анна! – торжественно донеслось со сцены. – «Среди долины ровныя…»

Аня вздрогнула и вросла в пол, а Варвара гневно обиделась на конферансье:

– Вот отрава! Ну не гадёныш ли?! – и, вздохнув, добавила: – Пойдём, Нюрок, чхнём на них по разочку.

Не соображая, на кого предлагает «чхнуть» Варвара, Аня вышла на сцену и замерла: на неё уставился целый «миллион» пар глаз. Чтобы вывести несчастную из оцепенения, Варвара легонько и незаметно ущипнула её. Аня вздрогнула. Вероятно, это выглядело очень комично, так как по залу прошёлся смешок. Зрители зааплодировали, и Аня очнулась.

Варвара строго посмотрела на неё и бровями «дала отмашку»: три-четыре. Девчонки заиграли.

На третьем такте Варвара «споткнулась» и замолчала. По инструкции, сбившийся (если не сможет продолжить игру) должен досидеть до конца выступления. Но Варвара встала, с грохотом отодвинула стул, освобождая себе проход, и спокойно, вальяжно пошла за кулисы, «крякая» баяном в такт своим шагам.

– Бра-во! – словно камень, полетел на сцену счастливый выкрик Марусёва.

В ответ на него так и не взошедшая «звезда» (в лице Варвары) весьма театрально изобразила через плечо традиционное «Чхала я на тебя!» По «музыкальным» рядам прокатилась волна смеха.

Скрылась за кулисами Варвара в тот момент, когда Аня, с ужасом глядя ей вслед, «допискивала» (поскольку играла в высоком регистре) мелодию «до конца».

– Бис! Бис! Бис! – орала марусёвская банда, радуясь провалу.

Жалкий всхлип утопающей песни был похоронен в море вопля.

Аня попыталась взглянуть на происходящее трезвым взглядом и обнаружила, что её глаза расТРОились: один глаз заметил несчастно опущенную голову Преподавателя, второй пытался навести резкость на расплывшееся изображение зрителей, третий скользнул по первому ряду, где сидели коллеги Преподавателя и коллективно выражали всем своим видом: «Ну и ЧТО ты здесь выставил?!»

Ане стало жаль Преподавателя (ведь он просил «не подвести»).

И тут… С ней произошло невероятное.

«Ах, тебе БИС нужен? – мысленно крикнула она Марусёву – Так получай!»

Перескочив в средний регистр, Аня нарочито громко заиграла прерванную Варварой партию. Зал недоумённо затих.

А дальше… всё было, словно во сне.

Среди долины ровным,
На гладкой высоте
Цветёт, растёт высокий дуб
В могучей красоте.

Аня вдруг осознала, что играет песню, в которой двенадцать или тринадцать куплетов. Бывало, отец Ани, опрокинув пару стаканчиков в праздничный день, пел эту песню целиком, а закончив, всегда говорил: «Эх! Один куплет пропустил!»

И Аня, проиграв один куплет, заиграла второй. Играя второй, Аня вспомнила, что в песне говорилось что-то про красное солнышко, которое «взойдёт», и она, перескочив на октаву выше, утихомирила аккомпанемент и, мысленно представив свой деревенский рассвет, тоненько показала, как встаёт это самое солнышко.

Потом должна была «ударить непогодушка», и Аня так «врезала» по басам, что даже сама вздрогнула.

«Что же делать дальше?» – её мысли метались в поисках выхода, но пальцы были уже неуправляемы и сами мстительно «скакали» по трём октавам.

«Так двенадцать или тринадцать куплетов? – лихорадочно вспоминала Аня. – А сколько я сыграла?… Кажется, пять».

Понимая, что играет одно и то же (то выше, то средне, то ниже), Аня начала разнообразить окраску мелодии, опираясь на обрывки слов из песни.

«Получай! Я тебе покажу БИС! – демонстрировал свою злость Анин баян, рявкая аккордами. – Я сыграю ВСЕ тринадцать куплетов! Впрочем, нет, пусть будет двенадцать».

Высокий дуб развесистый,
Один у всех в глазах,
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут на часах.

Играя, Аня представила себе этот дуб, похожий на неё своим одиночеством, и сердце её сжалось.

Тут же всплыл образ Марусёва, но Аня сразу «уничтожила» его, решительно надавив на клавиши. На фоне могучего красавца-дуба, защитника и покровителя, Марусёв смотрелся жалкой осинкой.

«А почему осинкой? Осина – неплохое дерево, – спохватилась Аня, – скорее, репейником… Хотя и от репейника тоже польза есть».

Так и не найдя в природе подходящего растения для сравнения с Марусёвым, Аня окончательно убедилась в ничтожестве этого человека.

«Двенадцать или тринадцать? – продолжала вспоминать Аня. – Ой! А сколько я сыграла? Кажется, десять… Пора заканчивать. Финал должен быть праздничным и красивым».

И Аня изо всех сил, насколько смогла, изобразила это.

Сдвинув меха баяна, Аня облегчённо вздохнула и… испугалась. Она снова увидела «миллион» пар глаз, о котором забыла, и ей захотелось быстро удрать со сцены, как от Марусёва, но…

Стоп! От кого? От этого подонка? Ну уж нет!

Аня велел Преподаватель) слегка поклонилась. В атмосфере зала что-то взорвалось. Аня, обессиленная, пошла за кулисы.

– Браво! Браво! – кричали ряды «начальных классов», а особенно Нинка Ермилова, внезапно разлюбившая Марусёва.

Вспомнив о Преподавателе, Аня взглянула на него и облегчённо вздохнула: его глаза улыбались.

За кулисы вместо боязливой, не уверенной в себе девчушки шагнула… совершенно другая Аня: прежняя как будто что-то стряхнула с себя, оставила на сцене зажатость и страх; новая – почувствовала лёгкость и свободу. За её спиной ещё долго шумел зал, над которым она нелёгкой ценой одержала победу.

Внезапно перед ней образовалась растерянная Варвара… Аня тут же отвлеклась от себя и сочувственно кинулась к ней:

– Ну, как ты?

– Стыдно сознаться, но в отличном порядке… А что я плохого сделала? Никто не помер. Я, Богу жива-здорова, зрители тоже не пострадали… наоборот, повеселились, что очень полезно для здоровья. Вот тебя, правда, кинула… Прости меня, поганку! (Варвара положила свою ладонищу на худенькое плечико Ани.) Но сыграла ты шедевренно! Меня даже мороз пробрал! Представляешь? Меня! Я чуть в трусы не пискнула.

На ресничках Ани задрожали прозрачные бисеринки. И она заплакала.

– Ты что? – удивилась Варвара, округлив глаза до уровня блюдец. – Из-за Марусёва, что ль? Так он же гнида, а гниды давить надо… презрением. И всех таких же, как он.

– Варька! – прошептала сквозь слёзы усталости Аня. – Спасибо тебе.

– За что?

– Если б ты не ушла со сцены, я бы, наверно, навсегда осталась трусихой. Ты меня… как будто «плавать научила».

– Неужели?! – воскликнула Варвара. – Тогда всегда к твоим услугам! (И она «шаркнула» реверансом.) А если серьёзно… Ань, ты… настоящая подруга.

Наутро, проходя в вестибюле мимо зеркала, около которого был «пост» Марусёва, Аня не полетела стрелой, как обычно, а наоборот – замедлила шаг…

Марусёв молча смотрел на Аню. Аня молча смотрела на Марусёва.

«А он не такой уж и красавец, – с удивлением обнаружила Аня, – щеголь, одетый маменькой по блату в местном универмаге».

Затем, подойдя к зеркалу, впервые, не боясь себя, посмотрелась в него:

«А я, между прочим, ничего! Вот только стрижку надо другую, помоднее».

Злой рок Марусёва испарился из её сознания, страх был уничтожен. Поздравив себя с очередной победой, Аня уверенно и спокойно зашагала прочь от своего «тёмного» прошлого.

«А она ничего…», – шевельнулось что-то непривычно тёплое в душе Марусёва.

Наступал 1966 год. Аня не знала, какие испытания ждут её впереди, но она точно знала, как будет поступать в трудную минуту.

Номерок

– Неужели всё так и было?!
– Да!
– Тогда это сказка!

1

– Ну что, дорогие мои! – Ольга Николаевна (методист физмат факультета) окинула аудиторию весьма многозначительным взглядом. – Завтра последний госэкзамен!

Можно сказать, финишная ленточка замаячила.

– По-рвём! – громко пробасил студент Липатов.

Ряды заочников оживились.

– Липатов у нас специалист по финишным ленточкам!

– Первый рвач!

– А ещё он специалист по «шпорам»!

– Насчёт шпаргалок разговор будет отдельный, – строго прервала Ольга Николаевна. – А сейчас не об этом. Конечно, я надеюсь, что завтра всё пройдёт благополучно. И Новый год будете встречать с дипломами. Но! Есть одно «НО»…

– И что это за «но»? – настороженно спросил кто-то.

Ольга Николаевна сделала внушительную паузу и таинственно произнесла:

– Ноябрьский пленум.

Все удивлённо притихли. Первым «опомнился» Липатов:

– Вот тебе, бабушка, и ноябрьский пленум!

Все засмеялись.

– А вот смеяться не надо! – строго приказала Ольга Николаевна. – Всё гораздо серьёзнее, чем вы думаете. Пришло распоряжение!

Собрание насторожилось.

– Необходимо отразить решения ноябрьского пленума на экзамене!

– Чего? Чего? – послышалось со всех сторон.

– Как это отразить?

– А вот «как отразить», – вздохнула методист, – мы сейчас должны подумать. И чтоб комиссия не придралась.

По аудитории покатился недовольный ропот:

– Мы же математику сдавать будем, а не историю…

– Действительно! Матанализ и пленум… Что между ними общего?

– Не знаю, – вздохнула методист, – вот давайте думать.

– А я знаю! – выкрикнул Липатов. – Прежде чем отвечать по билету, предлагаю начать так: «Ознакомившись с решениями пленума, я усиленно начал учить матанализ, чтобы…»

– Ага! Получается, что до пленума ты дурака валял! – прервала Липатова Ольга Николаевна.

По аудитории рассыпался весёлый смех.

– Пожалуйста! – не сдавался Липатов. – Можно и так: «Благодаря пленумам, в частности, ноябрьскому, мы, простые заочники, получаем высшее образование, причём, не хуже очников…»

– Хватит умничать, Липатов! – рассердилась методист. – Городишь чушь несусветную!

– А что? Разве не так?! – удивился Липатов.

– Ох, договорюсь я с вами, – спохватилась Ольга Николаевна, – не сносить мне головы.

– Да что мы головы-то ломаем! Надо повесить плакат с текстом: «Решения пленума претворим в жизнь!», – раздалось среди общего гула.

– Кто? Кто это сказал? – ухватилась за услышанное Ольга Николаевна.

Я, смутилась Чукина Аня.

– Молодец, Чукина! – похвалила методист. – Вот это дельное предложение.

– Чукина! Нуты гений! Нуты голова! – одобрительно загудело собрание.

– Да причём здесь гений?! Эти призывы развешены во всех общественных местах! – начала оправдываться Аня.

– Что-то в нашем общественном туалете я такого призыва не видел, – возразил Липатов.

Тут же посыпались остроты:

– Дурачок! Разве в туалете во время позывов до призывов?! Поэтому их там и не вешают!

– Даже если и повесить… его же разорвут на клочки!

– Естественно! Туалетную-то бумагу достать целая проблема!

Аудитория разразилась дружным гоготом.

– Прекратить немедленно! – возмутилась методист. – Ох, попадёт мне из-за вас!

Дверь внезапно распахнулась, и на пороге возник декан факультета. Все притихли.

– По какому поводу веселье? – жёстко спросил он.

– Да вот собрание проводим. Завтра последний госэкзамен, – заискивающе проговорила Ольга Николаевна.

– Это так Вы настраиваете студентов на серьёзный лад? – укорил её декан. – Хохот стоит на весь институт.

– Да мы смеёмся на нервной почве, – вступился за методиста Липатов. – От страха. Перед завтрашним днём.

Декан помолчал, как бы осмысливая услышанное, а затем назидательно сказал:

– У нас страха перед будущим быть не должно! Продолжайте собрание. Но… смех прекратить!

И вышел.

– Я же имел в виду завтрашний экзамен, а он чего подумал? – вслух начал размышлять Липатов, но методист прервала его «размышлизмы»:

– Хватит философствовать! Лучше давайте подумаем, куда мы повесим плакат.

– А чего тут думать? Повесим на стенку, над портретами великих математиков, – предложил неутомимый Липатов. – Другого места всё равно нет.

Все оглянулись назад и стали дружно рассматривать портреты.

– Чушь какая-то получается, – задумчиво сказал кто-то.

– И причём юмористическая! Вверху плакат, а под ним Эйлер, Коши…

– И получается как будто **они** будут претворять решения пленума в жизнь! – продолжила логическую нить методист.

– Действительно, – расстроился Липатов (ему даже показалось, что Лейбниц недовольно поморщился). – Никто из них и слова-то такого не знал… «пленум».

Все снова засмеялись.

– А давайте портреты снимем! – не унимался Липатов.

– Портреты снимать нельзя! – возразила Ольга Николаевна.

– Ну и задачку Вы нам заганули! – почти по слогам протянул Липатов, изобразив ужас на лице.

– Договоришься у меня, разговорчивый мой! Совсем распоясался! – разозлилась методист. – Думайте! Думайте! Все, кроме Липатова.

– Чего мы головы-то ломаем! – громко сказала Чукина Аня. – Повесим плакат над доской!

Все одобрительно загудели.

– Молодец, Чукина! – обрадовалась методист и облегчённо выдохнула. – Слава Богу! Один вопрос решили. (Она немного помолчала.) А теперь насчёт шпаргалок. Где Тютюникова Татьяна?

– Я здесь!

– Смотри, Тютюникова! Чтобы завтра без фокусов! Вечно из тебя шпаргалки летят в разные стороны. Да… юбку надень подлинней. И с походкой поаккуратней.

– Ольга Николавночка! – нараспев пропищала Тютюникова. – Юбку длинную я уже сшила. Завтра сами увидите. Так что будьте Споки! Всё будет пучком!

– Я успокоюсь, когда вы дипломы получите. Вот тогда будет действительно всё путём, – устало проговорила Ольга Николаевна.

Она хорошо понимала молодёжный сленг и свободно переводила его на литературный язык.

2

И вот наступил ответственный момент!

Комиссия вошла в аудиторию. Сердитая женщина в очках (представитель из министерства), увидев плакат над доской, одобрительно кивнула и что-то пометила в своём блокноте.

«Слава Богу», – с облегчением подумала методист.

Экзамен проходил без сучка и задоринки и даже немного скучновато. Комиссия даже украдкой позёвывала, если бы… не Тютюникова Татьяна.

Она, дождавшись своей очереди, стремительно приподнялась со стула, демонстрируя свой порыв, а заодно и новую длинную юбку, и решительно «пошла в наступление» на комиссию.

Увидев среди экзаменующих Ольгу Николаевну, которая входила в состав комиссии, Тютюникова вспомнила указание насчёт походки и резко затормозила.

Юбка Татьяны произвела размашистое движение, и… кленовым листом в воздухе закружилась шпаргалка, с шелестом спланировав на пол напротив методиста.

Комиссия замерла. Аудиторию обволокла густая тишина. Стало слышно, как трепещет от лёгкого сквозняка паутинка между рамами. Немая сцена длилась несколько секунд, но всем показалось, что прошла вечность.

– Ой! Ольга Николаевна! У Вас здесь бумажка то упала! – радостно вскрикнула Тютюникова, словно нашла кучу денег, и, сделав реверанс перед комиссией, картинно наклонилась, подняла листок и с обворожительной улыбкой положила его перед методистом.

– Спасибо… – растерянно пролепетала та и поспешно накрыла лист бумаги ладонью, словно шустрого таракана, который может сбежать.

Тютюникова тем временем, не дав никому опомниться, схватила стул и уселась напротив насторожившегося мужчины со вспотевшей от волнения лысиной, спросив:

– Можно? – и, не дождавшись ответа, постановила: – Я здесь сяду.

Широко разложив по всему столу свои бумаги, она начала, словно учительница, «объяснять» комиссии свой билет, не забывая при этом периодически улыбаться.

Мужчина вытер пот с багровой макушки, смущённо кашлянул и начал сосредоточенно слушать Тютюникову изредка отвлекаясь на нечаянно образовавшуюся прорезь в её кофточке.

Комиссия зашевелилась, зашуршала, зашепталась… в общем, оживилась, словно после приятного антракта с перекусом и тонизирующими напитками. Одним словом, заработала. Всё пошло своим чередом.

И только Ольга Николаевна ещё долго сидела с остекленевшим взглядом, боясь пошевелиться. Она своей ладонью закрыла шпаргалку Тютюниковой, стараясь раздвинуть пальцы как можно шире, словно пряча текст от желающих подглядеть, а затем, улучив момент, украдкой спрятала преступный листок в свою папку.

3

На следующий день, когда экзаменационные страсти были позади, все активно взялись за подготовку выпускного вечера.

Девушки столпились около деканата, ожидая самого любимого преподавателя – Любимова Евгения Михайловича, привлекательность и обаяние которого давно уже пленили сердца всех женщин института, включая даже пожилых гардеробщиц.

Говорят, на вкус и цвет товарища нет, но этот мужчина был таков, что «удовлетворял» все вкусы, так как каждая женщина, помимо яркого облика, видела в нём своё, подходящее только ей одной.

Увы! Он был один, а «подходящих» женщин – много. И поэтому им приходилось утешаться односторонней любовью на расстоянии.

В конце длинного коридора появился всеобщий любимец.

– Смотрите! Идёт!

– Ой, девочки! Ну до чего же он хорош! Я сейчас умру!

– Хорошо-то как! Одной соперницей будет меньше! Только умирай поскорей, пожалуйста.

– А вот лично я умирать не собираюсь. Век бы любовалась им.

– Что толку от любования?! Я бы всё отдала за один поцелуй с ним!

– Разве тебе есть чего отдавать? Ты же замужем два раза была.

– Уж чья бы корова мычала! У самой-то: муж и двое детей! Не стыдно на чужих мужиков глазеть? Вот я, как разведённая и свободная, имею право.

– Девочки! Не ссорьтесь! Солнышком с неба все пользуемся. Так и наш Женечка… общий.

– Тоже мне солнышко… – бросила недовольную реплику Чукина Аня. – А не забыли, что он женат. И у него десятилетняя дочь, между прочим.

– А никто и не собирается его из семьи уводить. Пусть живёт! – сказала Грачёва Тамара (так звали дважды побывавшую замужем) и мечтательно добавила: – Ну, как можно пройти мимо этой красоты?! Эх… в койку бы к нему.

– Смотри! Допрыгаешься по койкам! – съязвила Зинаида (та, которая была при муже и с двумя детьми).

– Всё испортила! Пофантазировать, что ли, нельзя?

– Да тише вы! Он совсем рядом, – шёпотом цыкнул кто-то.

Вежливо поздоровавшись с разноцветной и благоухающей толпой поклонниц, Любимов Евгений Михайлович торопливо направился в деканат, стараясь как можно быстрей миновать дамский строй.

– Евгений Михайлович! – остановила его Грачёва и взволнованной скороговоркой выпалила: – Мы приглашаем Вас на наш выпускной вечер.

– Большое спасибо, но я не смогу, – поспешно ответил Любимов и скрылся в деканате, «прихлопнув» дверью разочарованный вздох, пытающийся просочиться следом.

Никто не ожидал столь решительного отказа. Все помрачнели. И лишь Чукина Аня, оптимистичная и жизнерадостная по натуре, шутливо отреагировала на невнимание преподавателя:

– Девчонки! А стоит ли на эту изнеженную обожанием «звезду» свои эмоции тратить?! Мы же послезавтра разъедемся, а ему здесь ещё звездить и звездить. Нам он уже отзвездил, пусть другим позвездит.

– Ну ты и выражаешься! Почти матом, – заметила Грачёва Тамара.

– Слух у тебя извращённый, Грачёва, – продолжала Аня и передразнила: – «Женечка! Ах, Женечка!» Ну, повезло человеку с внешностью! И что? Его, что ли, заслуга?!

– Чукина! Ты действительно равнодушна к нему или прикидываешься?

– Нисколько не прикидываюсь! У меня против красивых мужчин стойкий иммунитет.

– И откуда он у тебя? Прививку, что ли, сделала?

– Переболела, вот он и выработался.

– А сыпи случайно не было? – хихикнул кто-то.

– Сыпи не было, а вот рубцы на душе остались.

– Везёт тебе, Анька! – позавидовала Чукиной Грачёва. – У тебя, хоть и с рубцами, но всё-таки иммунитет! А у меня никакой защиты нет.

– Посмотрите на эту беззащитную! – не выдержала Тютюникова. – Это от тебя надо защищаться. Ты вон как на Женечку глядишь! Не глядишь, а раздеваешь.

– Дурочка! Просто я люблю всё красивое: и вещи, и мужчин! Вот только быстро всё надоедает. С вещами, конечно, проще, можно продать.

– А с мужиками?

Грачёва вздохнула.

– Их даром бросать приходится. Так что ты, Анёк, со своим иммунитетом счастливая.

– Конечно, счастливая, – серьёзно сказала Аня. – И особенно счастливой была тогда, когда не знала, что некрасивая.

Грачёва окинула Аню оценивающим взглядом и хмыкнула:

– Любопытно… а чего знала?

– Знала, что я принцесса! Неужели непонятно? А в десять лет от окружающего мира вдруг узнаю, что никакая я не принцесса! А «мышка серенькая». Такого тогда понаслушалась!

Аня глазами смешно изобразила ужас.

– А ты актриса, – усмехнулась Грачёва.

«Актриса» продолжила:

– …И нос-то у меня с лицом не сочетается! И глаза ко лбу не подходят! Сначала, конечно, я внутренне возмутилась: «Как это? Я же принцесса!». Мне и мама с папой всегда так говорили. А потом вижу: «жизнь-то лучше знает». Как же я на родителей обиделась! Десять лет мне врали, что я красавица! Расстроилась я тогда… не передать словами. И начала жалеть себя и переживать. Жалеть и переживать. А заодно красивым завидовать и злиться на них. И… – Аня, вздохнув, сделала паузу.

– И что? – нетерпеливо спросила Грачёва.

– Легче не стало! Вот что! Ну, я взяла и плюнула! Надоело! Жить-то когда? И чем я хуже других?! Пусть не картинка! Ну и что!

– Ты даже лучше других, – вставила Грачева, – во всяком случае, по высшей алгебре, например. Такую сложнятину на пятёрку сдала, а у меня трояк.

– Не прибедняйся, Чукина! – вклинилась Зинаида. – Всё у тебя есть. И лицо, и душа, и одежда…

– И мысли, – смеясь, добавила Грачёва. Зинаида цыкнула на неё.

– А я и так знаю, что есть! – серьёзно парировала Аня. – И это только моя заслуга. Не то что у Женечки! От природы даром получил. А насчёт высшей алгебры… к сожалению, ею никого не соблазнишь, а скорее, наоборот, отпугнёшь, – Аня вздохнула. Но тут же весело провозгласила: – А в данном случае я действительно ощущаю себя счастливой! Мы же институт окончили!

– Молодец, Чукина! Приятно видеть человека в прекрасном настроении, – к собравшимся подошла Ольга Николаевна. – А где Тютюникова? Где эта негодница? – спросила она.

– Я здесь, – пискнула Татьяна из-за спины методиста.

– А! Вот где ты прячешься! – обрадовалась Ольга Николаевна, словно жаждая мести. – Ну и номер ты вчера выкинула!

– Ольга Николавночка! Ну какой это номер? Так себе… номерок… – заканючила Тютюникова. – Никто ведь не пострадал.

– А я? – возмутилась Ольга Николаевна. – Меня чуть инфаркт не хватил! Помните, на биологическом одного студента на госэкзамене из-за шпаргалки зарубили? Так методисту скорую вызывали!

– Ну простите меня! Клянусь, я больше так не буду! – залебезила Татьяна.

– Ну, лиса! – укорила её методист. – Всё позади, теперь и клятвами швыряться можно. Ну да ладно! Прощаю! Тем более настроение предновогоднее, не будем его портить. Кстати, как с выпускным вечером?

– Евгений Михайлович отказался, – грустно сказала Грачёва.

– Что-то он мне тоже в последнее время не нравится. Сгорбился, сморщился. Так и хочется его встряхнуть! – высказалась Ольга Николаевна. – Девчонки! Попробуйте его уговорить. Расшевелить его надо! Мужик-то ведь хороший.

И прежде чем уйти, оглянулась по сторонам и шёпотом произнесла:

– Поговаривают, что жена его бросила. Только я вам ничего не говорила.

– Да Вы что?! – дружно ахнула компания. – Не может быть!!!

Несколько минут все были в шоке. А потом завязалось горячее обсуждение новости. Все так увлеклись, что едва не пропустили сам предмет сенсации, который вышел из деканата и направился к выходу.

Девушки с любопытством и сочувствием посмотрели ему вслед, а затем начали перемывать косточки его жене, которую и в глаза не видели.

– Как она могла такого лапушку бросить?!

– Зажралась!

– А может, она сама как Софи Лорен?

– Да стерва она, а не «Софи Лорен»!

– Какой же он красивый… и грустный…

– А как грусть ему идёт!

– Уходит наш красавчик! – шёпотом пафосно пошутила Аня и сделала театральный поклон в сторону удаляющегося преподавателя. – Выпускники семьдесят седьмого года вечно будут помнить тебя!

– Как это?! – первой опомнилась Грачёва. – Он же теперь свободный! Его догнать надо! Слышали, что Ольга Николаевна сказала? «Растормошить! Встряхнуть! Утешить!»

– Ну, утешать тебя никто не просил.

– Так нетрудно догадаться, и это я могу взять на себя, – продолжала Грачёва. – Чукина! А ты, как самая невлюблённая, догони и пригласи его ещё раз.

– Может, мне ещё и разуться для скорости?! – возмутилась Аня.

– Ему же не до нас, Грачёва! Неужели не видишь?! – попыталась возразить Тамаре Зинаида.

– Ничего! И к разводам привыкают. Я тоже, когда первый раз развелась, всплакнула даже. Зато во второй раз уже весело было, – поделилась своим опытом Грачёва. – Девчонки! Надо что-то делать! Не оставлять же его в беде!

– По телефону пригласить надо, – предложила Аня, – чтоб он наших рож не видел.

– Точно! – обрадовалась Грачёва. – У меня и номерок имеется.

После небольших препирательств собрание всё-таки именно Аню решило отправить на телефонные переговоры, которые запланировали на вечернее время.

– Ты хорошенько постарайся! – не унималась Грачёва. – У меня на этот выпускной вечер большие надежды.

– Да ладно тебе! – урезонили её. – Вернёшься домой и другим утешишься.

– Это будет потом. А сейчас я Женечку хочу. Чукина! Не подведи!

– Раз твоя судьба в моих руках, – поставила условие Аня, – жарь на ужин картошку.

– Пожарю! – обрадовалась Грачёва. – Только чтоб Женечка был!

– Девки! – возмутилась Зинаида. – Ну вы и даёте?! Торговлю устроили… Любимов и жареная картошка… Слышал бы он! Представляю, что бы с вами сделал!

– Хоть бы **что-нибудь** сделал! – воскликнула Тамара. – Я только этого и жду!

На этой ноте, да ещё в предвкушении жареной картошки, «ассамблея» была закончена.

4

Тем не менее разговор взволновал Аню. Она вдруг вспомнила, как своей пылкой любовью ответила на внимание симпатичного парня, по которому сохли многие девчонки. Но… парень после двух встреч как в воду канул, так и не оценив её чувств.

Первую любовь Аня пережила как настоящее горе.

Позже, вспоминая свои страдания, она удивлялась: неужели была настолько слепа, что не разглядела в объекте своей любви паршивца, замаскированного под красивую внешность.

Он, как выяснилось, просто «коллекционировал» поклонниц и хвастался перед друзьями своими «подвигами». С ней, правда, никакого «подвига» он не совершил. Они даже не поцеловались ни разу.

После первого любовного урока Аня стала осторожно относиться к мужской красоте. Очередной «обрыв счастья», как Аня называла финал второго сердечного романа, ещё больше ранил её душу. А началось всё с того злополучного дня, когда она навещала в общежитии свою заболевшую подругу. Там-то, в узеньком коридорчике, она и столкнулась с красивым, уверенным и, как ей показалось, наглым парнем.

Встреча произошла и на следующий день, в том же коридорчике. Аня смутилась от неожиданности, а парень ухмыльнулся.

Она почувствовала что-то неладное, когда увидела его с цветами около проходной своего предприятия. А как только он протянул ей цветы, сильно удивилась и шарахнулась от него, словно от чудовища. Понимая, как глупо выглядит в глазах парня, Аня побежала, пробиваясь сквозь толпу идущих со смены.

Но парень пришёл на следующий день с новым букетом цветов. Аня поразилась ещё сильней. Но твёрдо прошла мимо.

«С чего бы это?! – думала она. – И к чему этот „Марчелло Мастрояни“?! Здесь что-то не так…»

Когда он появился на третий день, Аня, осмотрев его с ног до головы, не выдержала и грубовато, не церемонясь, спросила:

– Чего тебе надо от меня, цветонос неизвестный?

– Ничего, – ответил он спокойно, – просто хочу пригласить тебя в кино.

И Аня, словно загипнотизированная, не узнавая своего собственного голоса, еле слышно выдавила:

– Пойдём…

«Боже, что я делаю?!» – удивлялась она себе.

Но, несмотря на внутренний протест сознания, Аня согласилась на следующую встречу, а затем и на следующую.

Они пересмотрели весь репертуар в местных кинотеатрах, измерили шагами почти все улицы и переулки, разговаривая на разные темы (парень оказался эрудитом), целовались, и… каждый день Аня возвращалась домой с цветами. Всё было чисто, красиво и романтично.

Душа Ани трепетала, сопротивлялась и в то же время требовала рождения нового чувства. И Аня влюбилась во второй раз.

Однако… наступил день, который, хоть и жестоко, но справедливо «приземлил» её и уберёг от более тяжёлых последствий.

Свидание было назначено в вестибюле того же общежития (где они впервые встретились). Аня, воодушевлённая предстоящей встречей, пришла, а точнее, «прилетела» намного раньше.

Дверь в каморку, где сидел вахтёр, была раскрыта нараспашку, и Аня увидела своего любимого: он разговаривал с дежурным. Она хотела подкрасться, чтобы весело обнаружить себя, но вдруг услышала странный разговор.

– Спасибо, Михалыч, за койку, хоть я от неё порядком подустал! Я, видишь ли, комфорт уважаю. Столько хватит? (Шелест денег.)

– Хватит, хватит! Я бы и дольше позволил тебе жить, но комиссия проклятая!

– Михалыч! Не переживай! Сегодня переселяюсь в прекрасные апартаменты.

– Куда это?

– Нашлась одна дура. Пришлось поработать, конечно. Ты же знаешь, мне только года полтора перекантоваться, а потом я квартиру получу и… поминай меня, как звали!

– А может, тебе с ней законно оформиться?

– Что ты! Она моль серенькая, а я видных баб люблю.

– Так видную искал бы!

– Да они, понимаешь, или замужние, или бесквартирные.

– А как ты эту вычислил?

– Осведомители везде есть. А квартира хорошая, я вчера там был в гостях. Соседка такая мировая, чирикает, пирожками угощает. «Наконец, – говорит, – мужчина будет в доме». В общем, я их обаял. А ради удобств я и бабу Ягу потерплю.

– Ну ты и стервец! Я стервец, но ты меня переплюнул! И как это тебе удалось? Как же она не догадалась?

– Я, Михалыч, таких слов могу наговорить, что любая уши развесит! А уж эта тем более.

В глазах Ани всё потемнело, шум холла внезапно стих, а ноги опутала предательская слабость. Только неимоверным усилием воли Аня заставила себя устоять.

– Привет, дорогая! – слащаво сказал *он,* заметив Аню, и бодро кинулся навстречу.

Превозмогая себя, она, собрав всю свою боль, возникшую от услышанного ужаса, ударила наглеца по щеке… Не помнила, как оказалась дома. И словно подкошенная, слегла…

Аня занимала комнату в коммунальной квартире. Её соседкой была милая, добродушная Галина Константиновна, дети которой проживали в далёком сибирском городе.

– В трёх сутках езды на поезде… – вздыхая, говорила Галина Константиновна. – Вот как далеко от меня уехали. И не вижу их почти.

Соседку Аня называла ласково: «мама Галя». Они настолько привязались друг к другу что жили по-родственному разделяя свои неудачи и радости. Родителей у Ани не было, и соседка всячески опекала её.

И на этот раз, перепугавшись, она вызвала врача.

Врач недоумевала, пожимая плечами:

– Температура нормальная, давление в норме, а бледность, слабость и отсутствие аппетита из-за того, что мало бываете на свежем воздухе. Так что больничный не дам.

Аня ко всему была безучастна.

– Вы же видите, она встать не может. Ей бы отлежаться, – настойчиво говорила соседка, встревоженная состоянием несчастной девушки.

– Ну хорошо… только на три дня, – вздохнув, согласилась врач.

Чтобы отвлечь девушку от «дурных мыслей», Галина Константиновна начала рассказывать о себе, о своей молодости, о любви, об измене мужа и о том, как простила его и как потом они жили душа в душу, пока он не умер.

Аня слушала и не слушала. Временами плакала навзрыд, услышав созвучное своей боли. И когда эта боль не выдержала остроты, Аню словно прорвало. Она начала говорить… неистово, сбивчиво, срываясь до крика. Словно выкрикивала из себя наболевшее.

– Мама Галя! Давай срочно сделаем генеральную уборку, давай переклеим обои! Ведь он был здесь!

– Хорошо, хорошо! – успокаивала соседка. – Но не думай, что только красивые бывают подлецами. – И шутливо добавила: – А тебе везёт на красивых!

Однажды, взглянув на себя в зеркало, Аня ужаснулась: на неё злобно смотрела стареющая женщина. А ведь Ане на тот момент было всего двадцать четыре года.

– Ой! Кто это такая, противная и омерзительная?!

– Озлобленность любого человека уродует, – заметила мама Галя, – да и жизнь не виновата в том, что тебя обидели. Так что, давай-ка мы с тобой сошьём новое платье! У меня и материальчик подходящий есть.

И они дружно погрузились в процесс творчества.

Шила соседка замечательно. Аня вошла во вкус – начала посещать магазинчик «Мерный лоскут» (были такие в семидесятых годах двадцатого века), искала красивые ткани, изобретала фасоны… и в результате стала довольно заметно выделяться из серой толпы.

Врождённый оптимизм одержал победу над унынием, и Аня снова почувствовала себя счастливой.

– Доброе утро, лохматень! – громко говорила она по утрам своему заспанному непричёсанному отражению в зеркале. А затем корчила смешную рожу и торжественно произносила: – Поздравляю тебя, моя красотень! – и посылала самой себе воздушный поцелуй.

По натуре Аня была непоседой и постоянно чем-то увлекалась. К её прежним увлечениям добавилось ещё одно: она, не имея за плечами никакой художественной школы, начала писать миниатюры, придумав свой стиль, который в шутку называла «чукинский». Друзьям нравилось, и новоиспечённая художница с удовольствием раздаривала свои произведения.

5

Полистав страницы своего прошлого, Аня вернулась к реальности, которая напомнила ей, что нужно напрячься и пригласить на вечер неприступного красавца-преподавателя, переживающего личную драму.

«Задачка на сообразительность, – в шутку подумала Аня, – и ответ не должен быть отрицательным. Итак, какие у нас исходные данные?»

И она по привычке начала рассуждать так, словно решала трудное уравнение.

Вспомнив о жареной картошке, Аня с удвоенным старанием начала обдумывать предстоящий телефонный разговор. Прокрутив в голове некоторое количество вариантов и не найдя подходящего, она решила использовать главный аргумент, то есть правду.

После обмена вежливыми приветствиями Аня уверенно выпалила:

– Мне поручили пригласить Вас на наш выпускной вечер. Несмотря на то, что мы получили отказ, я всё-таки настаиваю, чтобы Вы пришли. Мне не хотелось бы уезжать домой, не выполнив поручение. К тому же получится, что я всех подведу, если не уговорю Вас.

– Почему подведёте? И кого это всех? – растерявшись от такого напора, спросил Любимов.

– Представляете, какое будет огорчение для всех, если Вы не придёте!? А кого подведу? Разумеется, женскую часть группы. Вы же сами прекрасно знаете, что все женщины института без ума от Вас. Причём независимо от семейного положения. И вот на выпускном хотят увидеться с Вами ещё раз. На прощанье, в общем.

– Вы, конечно, входите в число этих женщин? – шутливо спросил Евгений Михайлович.

Аня не ожидала такого вопроса, но ответила твёрдо:

– Нет! – и, сделав паузу, добавила: – Думаю, что Вы из-за этого не очень расстроитесь. Вам и без меня любви хватает.

Услышав в ответ молчание, Аня спохватилась, что перегнула со своим признанием в «нелюбви», и поспешно заявила:

– А преподаватель Вы хороший.

– Хоть на этом спасибо, – пробормотал хороший преподаватель, обескураженный такими откровениями.

Ане показалось, что в его голосе прозвучала обида. И, словно подтверждая её догадку, он проговорил:

– Значит, все меня любят, а Вы – нет.

– Ну, Вы слишком «округлили» мои чувства, я же всё-таки уважаю Вас, – объяснилась Аня и жёстко «надавила» вопросом: – Ну так Вы придёте?

– Приду, – неожиданно для себя ответил он и поспешно спросил: – Кто Вы?

– Даже фамилию называть не буду. Если и назову, Вы всё равно не вспомните, кто под ней скрывается.

– Я надеюсь, что при встрече-то обозначитесь? Интересно же знать, кто меня «не любит, а просто уважает», – пошутил преподаватель.

– Без проблем. Если прорвусь к Вам через танцевальную очередь, – поставила точку в разговоре Аня и первой положила трубку, опасаясь, что Женечка передумает.

Она, довольная собой, понесла подругам приятную новость. Вдохновлённые согласием Женечки подруги с аппетитом уничтожили пожаренную Грачёвой картошку, после чего Аня, совершенно счастливая, завалилась на кровать и заснула безмятежным сном, не слыша бурных приготовлений к завтрашнему мероприятию.

А в это время озадаченный Евгений Михайлович Любимов ругал себя за данное обещание и в то же время понимал, что поступит непорядочно, если нарушит слово.

«А почему бы и не пойти, – думал он, – тысячу лет никуда не выбирался. Да и человек я, можно сказать, холостой».

Евгений вздохнул и посмотрел на дочку, старательно что-то выводившую в тетради.

– Пап, а что это за тётенька странная тебе звонила? – дочь слышала телефонный разговор. – А за что она тебя не любит?

– Слушай, Катюша, а может, мне вправду сходить на этот загадочный вечер?

– Конечно, пап! Я же большая, посижу одна. А ты развейся, – по-взрослому резюмировала дочь. – Пап, а мама придёт к нам Новый год встречать? Осталось пять дней. Пап, а почему она не хочет нас видеть?

– Не знаю, дочка.

6

И вот наступил торжественный вечер.

«Кто же мне звонил?» – включив «математическую» логику, пытался угадать Любимов. Взгляд его остановился на Грачёвой Тамаре, которая кокетливо опустила глаза.

«Это она! – обрадовался преподаватель, словно доказал сложную теорему. – Скорее всего, я не ошибся. Она очень похожа на любительницу флиртов. Именно такие посвящают любовь сначала себе, а уж потом другим, если что останется. Это я хорошо знаю по своей жене».

– Можно? – прозвучало над ухом. – А то потом к Вам не прорваться.

Любимов оглянулся и увидел Аню.

– Вот… – смущённо сказала она. – Вы просили обозначиться.

Преподаватель удивился. Он не ожидал от себя такой грубой ошибки в «вычислении» неизвестной, звонившей ему накануне.

В этот момент зазвучала мелодия. Любимов, не зная, как вести себя в сложившейся ситуации, воспользовался «музыкальной паузой» и пригласил девушку танцевать.

Грачёва сурово посмотрела на Аню и сделала страшные глаза. Та в ответ из-за спины преподавателя сначала показала Тамаре язык, а потом попыталась мимикой лица успокоить её.

Любимов заметил эти гримасы, и ему стало весело.

Танцевали они первый танец одни, под дружным пристальным наблюдением собравшихся.

«Танцуем, как новобрачные, – вдруг подумала Аня. – Даже интересно. Наверно, со стороны неплохо смотрится, с таким-то красавцем». Она поймала себя на мысли, что впервые оценила «пользу» мужской красоты.

«Танцуем, как новобрачные», – подумал Любимов, вспомнив свою свадьбу.

Больше в течение вечера Аня и Женечка не пересекались, так как последний был нарасхват.

В гардеробе, после окончания мероприятия, возбуждённая Грачёва приглушённым шёпотом обратилась к подругам с просьбой «не окружать» Женечку.

– Ну дайте мне с ним прогуляться! – умоляла она. И, получив великодушное разрешение, побежала в туалет наводить марафет.

Аня нахлобучила шапочку и полезла в сумочку за номерком. Там его не было. Посмотрела в пакете со сменной обувью – и там его не обнаружила. Она перерыла всё по нескольку раз. Номерка нигде не было. Все были одеты, лишь Аня искала номерок. Народ невольно подключился к поискам. Обшарили всё: туалет, банкетный зал, вестибюль… Номерка нигде не было.

Тогда все обратились к гардеробщику с просьбой отдать пальто без номерка.

– Ни за что! – возмутился гардеробщик Гриша. – Ищите!

Всё перерыли по новому кругу. Безрезультатно.

– Ищите! Пальто не отдам! – стоял на своём Гриша, в глубине души обрадовавшись возможности проявить свою власть. – Знаем вас! Отдашь без номерка, а потом вы второе пальто требуете.

– А если расписку написать? – подсказал кто-то.

– Без директора ресторана нельзя, а он будет завтра в одиннадцать утра.

– Ну ладно бы шуба норковая! Пальто-то обыкновенное! – выкрикнул кто-то.

Все дружно, словно оценивая стоимость, уставились на Анино пальтецо, одиноко висевшее на вешалке в центре гардероба. Ане показалось, что её пальтишко обсудили до последней ниточки, и девушка возненавидела его.

Гардеробщик был твёрд:

– Пальто не отдам, каким бы оно ни было! Ищите номерок!

И тут подключился он, «главный герой» вечера. Отозвав Гришу в сторону, он начал о чём-то с ним шептаться, поглядывая на Аню. Этот взгляд перехватила Грачёва и ревниво прошипела ей в ухо:

– Это ты нарочно придумала!

Гардеробщик был неумолим. И тогда Евгений Михайлович громко объявил:

– Друзья, не волнуйтесь! Спокойно поезжайте на автобусе, а я вызову такси. С номерком завтра разберёмся.

– Это ты нарочно придумала! – снова прошипела Грачёва Тамара, представив, как Чукина Аня едет в такси, а Женечка сидит рядом и укрывает её своим пальто.

– Ну уж нет! – возмутилась Аня. – Я останусь здесь до утра! Буду спать вот на этом диванчике. Дайте мне чем-нибудь укрыться! – потребовала она от гардеробщика.

Все снова начали возмущаться поведением «противного Гришки», а разгневанная Аня начала «готовиться ко сну»: она сняла шапку, и… из неё выпал номерок, со звоном стукнувшись об кафельный пол и отскочив под ноги Грачёвой.

Все сначала вздрогнули, потом облегчённо вздохнули, а затем весело начали смеяться над комичностью ситуации.

– Ну! Что я говорил?! – победно выкрикнул сквозь хохот компании гардеробщик.

– Гриш! Тебя жена к телефону! Срочно! – позвал кто-то.

– Бегу! – отозвался Гриша и торопливо положил пальто на стойку.

Грачёва, отдавая номерок Ане, видела, как Женечка бережно взял пальто, оставленное гардеробщиком, и в очередной раз прошипела:

– Это ты нарочно придумала!

Сцену одевания присутствующие наблюдали с нескрываемым интересом, словно перед ними демонстрировали стриптиз. Любимов торжественно помог несчастной героине гардеробной истории одеться и ободряюще улыбнулся, чем вызвал очередное недовольство Грачёвой:

– Девчонки! Посмотрите! Это же она нарочно придумала!

Аня, уставшая от происходящего, автоматически положила номерок в карман.

Выходила она из ресторана последней, следом за Женечкой, вежливо придерживающим перед ней двери.

Этот факт, безусловно, был замечен недремлющим оком Грачёвой, которая продолжала шипеть:

– Ну неужели вы не видите, что это она нарочно всё придумала?!

Идти за компанией после случившегося Ане не хотелось. Она остановилась на ступеньках, огляделась и… чуть не задохнулась от восторга! Крупные, пушистые хлопья снега медленно и осторожно падали на землю. Природа как будто дарила предновогоднюю сказку. Казалось, мир затаил дыхание в ожидании чуда, и вот-вот случится что-то важное.

Вернул к действительности Аню шум автобуса, до которого было не близко. Народ готовился к посадке.

– Девочки! – громко созывала бывших студенток методист Ольга Николаевна, словно классный руководитель школьников-подростков. – Это последний автобус! Быстренько садимся!

– Ольга Николаевна! Что мы, маленькие?! – возмущалась Грачёва, не переставая оглядываться назад.

– А ты, Грачёва, не отставай! – не унималась Ольга Николаевна, не знавшая о «таинственном плане» Тамары. – Мужики! Подсадите её!

Тамара, несмотря на сопротивление, была с удовольствием «подсажена» в автобус сильными руками присутствующих мужчин. Особенно старался Липатов.

– А как же Евгений Михайлович и Чукина? – спросил кто-то. – Они же отстали!

– С Чукиной ничего не случится: за неё Любимов отвечает. А за вас я отвечаю, – по привычке распределила педагогическую ответственность Ольга Николаевна.

7

Аня и Женечка остались одни. «Ведь не поверят, что номерок случайно запутался в шапке, – думала девушка, – и что мне теперь делать с этим Любимовым?!»

– Грех не прогуляться под таким красивым снегопадом, – подсказал Евгений Михайлович, словно прочитав мысли Ани. – Предлагаю пойти через парк. Я, как местный житель, знаю здесь каждую тропинку. Гарантирую: минут через сорок будете в общежитии.

– Пойдёмте, – обречённо ответила Аня, а про себя подумала: «Грачёва меня убьёт! Как она мечтала выгулять своего любимого Любимова! Проклятый номерок всё испортил. Я-то, кастрюля! Тоже хороша!»

Не переставая корить себя, она покорно поплелась следом за преподавателем в сторону лесопарка. «Вот теперь надо напрягаться, поддерживать беседу», – молча брюзжала Аня.

Они ступили на дорожку «берендеевого» царства.

– Смотрите! Перед нами пушистый половичок, по которому не ступала нога человека, – пошутил Евгений Михайлович.

– Действительно, – восхитилась Аня и спросила: – Вы стихи случайно не пишете?

– Нет, – засмеялся он.

Аня невольно оглянулась назад и увидела, как на её глазах медленно исчезают их следы.

– А половичок-то волшебный, – подхватила она поэтическую тему, – следы сзади тут же пропадают.

– Значит, лес заколдованный.

– Как бы нам не потеряться в этом заколдованном лесу, – заволновалась Аня.

– Не волнуйтесь, я же за Вас отвечаю. Ольга Николаевна завтра непременно потребует доложить, выполнил ли я свою «педагогическую ответственность», то есть доставил ли Вас до общежития.

Аня успокоилась. Они шли молча по «волшебному половичку», а небо буквально засыпало их миллиардами снежинок.

«Словно хмелем, на счастье, – подумалось Ане, и она невольно посмотрела на попутчика. – И вправду хорош! Особенно среди этой сказки».

В её груди появилось знакомое смятение. Аня сильно испугалась. Ею вдруг овладела необъяснимая паника. «Стоп! – молча закричала она на себя. – С ума сошла!»

– Что с Вами? – спросил преподаватель, заметив её замешательство.

– Жаль, что всё так быстро кончилось, – справившись с собой, ответила она. – Пять с половиной лет пролетели как одно мгновение. Мы все так привыкли друг к другу, хоть и виделись-то всего два раза в год. А столько всего было: и грустного, и смешного!

– Любопытно! А расскажите-ка что-нибудь! – попросил преподаватель.

И Аня решила «заболтать» внезапно возникшее волнение в душе, перейдя к воспоминаниям, тем более она была хорошей рассказчицей.

– Ну что ж… пожалуйста! Вы, конечно, заочников плохо запоминаете, но даже на Вашем занятии был анекдотичный случай с Тютюниковой Татьяной.

– Не помню такую, – сознался Любимов.

– Ещё бы! – Аня осуждающе окинула взглядом попутчика. – Так вот! Мы сдавали Вам зачёт. Татьяна подготовилась и только собралась идти отвечать, как у неё… (Аня ойкнула и прикрыла рот) Зачем это я такой случай вспомнила? Об этом же неловко говорить…

– Нет уж, говорите! Интересно же!

– Эх! Была не была! В общем, резинка у трусов лопнула! Она, бедная, встать не может и всех вперёд пропускает, а Вы заладили одно и то же: «Засиделись, девушка! Наверно, не учили!»

– Если бы я знал, в чём дело, разве я бы стал так говорить! – начал оправдываться преподаватель. – А чем всё кончилось-то?

– Даже неудобно говорить…

– Нет уж! Я хочу знать правду!

– Ладно! Повеселю Вас напоследок. («Вместо Грачёвой», – подумала Аня.) А Вы точно хотите знать правду?

– Да! – горячо сказал Женечка.

– Она их под столом сняла незаметно и пошла к Вам отвечать.

– А куда дела… эти… в общем?

– Трусики-то? Скомкала их в руке, как носовой платок, и ещё перед Вами нос ими себе вытирала. Мы хихикали тихонько, а Вы сердились на нас.

– А как же ваши немногочисленные мужчины в группе? Неужели ничего не заметили?

– Мы их первыми отправили к Вам на «экзекуцию». Они даже подготовиться толком не успели. Наша задача была удалить всех мужчин из аудитории. Кроме Вас, конечно. Правда, Липатов долго сопротивлялся, но мы и его выставили.

– И они послушались?

– Попробовали бы только не послушаться! Их всего шестеро в группе, а нас большинство. И потом, они же были зависимы от нас.

– То есть?

– Кто бы им дал… – Аня чихнула из-за попавшей в нос снежинки (Любимов насторожился), – …контрольную списать, если б они не послушались.

Любимов рассмеялся. С одной стороны, Аня была довольна, что ей удалось его «растормошить», но с другой, – в её душе возникла досада, не слишком ли она разоткровенничалась, рассказывая о таких интимных вещах.

«Это же неприлично, – подумала Аня и тут же решительно успокоила себя, – всё равно больше никогда не увидимся. Пусть хоть посмеётся немного».

– Хочется послушать ещё что-нибудь смешное, – развеял Анины сомнения преподаватель, – давно я так не веселился.

– Майстровскую Валентину знаете?

– Нет.

– Вы и Майстровскую не знаете?! Да её даже с биологического факультета преподаватели знают!

– Нет, не представляю, – виновато опустил голову Любимов.

– Ладно! – снисходительно сказала Аня. – Мы ж заочники. Чего нас помнить! А Майстровская – это личность! Она на Кубани живёт, в станице.

– Кубанская казачка, значит.

– Вот именно! Красавица!

– А что, у них там институтов нет?

– Есть, конечно, но она специально поступила подальше от своих институтов. Ей очень хотелось два раза в год ездить на сессию, как она говорила, «через всю страну, чтоб на мир посмотреть».

– И себя, наверно, показать.

– Естественно! Тем более, есть чего показывать. Если она отсутствовала на лекциях, у мужчин-преподавателей настроение портилось. На матанализе однажды, когда её не было, Ваш коллега с горя внеочередной зачёт нам устроил, а на экзамене по научному коммунизму её присутствие всем пятёрки принесло, хотя мы ничего не учили.

– Так уж и всем?

– Поголовно! – заверила Аня. – Она пошла первой сдавать и ничего не ответила. Преподаватель говорит: «Вы ничего не знаете! Ставлю Вам двойку!» А она в ответ: «Как двойку? Я через всю страну ехала сдавать научный коммунизм не на двойку! Я, Майстровская Валентина Ивановна, всецело поддерживаю, уважаю и одобряю политику дорогого правительства, горячо люблю свою родную Коммунистическую партию и её Центральный комитет! А Вы мне за это двойку? Да сказать кому – не поверят! А придётся, наверно, сказать!»

Любимов захохотал.

– Вот и тот экзаменатор тоже сначала захохотал, а потом сделался серьёзным, собрал зачётки и всем поставил пятёрки, – подытожила Аня.

– Да! Оказывается, столько интересного творилось за моей спиной!

– Почему за спиной? Всё на виду было, только Вы почему-то никогда ничего не замечали. Я, например, на Вашей лекции однажды пошутить попыталась, чтобы скучную тему скрасить (как сейчас помню, о многочленах речь шла), так Вы мел уронили, а потом так свирепо посмотрели на нас, что мы притихли, как первоклассники.

– Значит, сложилось впечатление, что я человек минорный?

– Скорее, озабоченный, – вырвалось у Ани, и она, спохватившись, что брякнула не то, добавила: – Вы всегда грустный.

Евгений вздохнул и, посмотрев на Аню, подумал: «Чем-то она меня трогает…» Его вдруг неожиданно пронзило желание выговориться этой смешной девчонке, развлекшей его студенческими байками. И он сказал:

– У меня с женой почти всё время не ладилось, поэтому я и был такой озабоченный. А сейчас она уже год не живёт с нами. Встретила «настоящего» человека, хотя это уже не первый «настоящий» человек в её жизни.

– Вы сказали «не живёт с нами»? – спросила Аня.

– Со мной и дочкой.

– Она оставила дочку?!

– Да! Сказала, что её новый муж не хочет чужих детей.

– Бедная! – ужаснулась Аня. И непонятно было, кого она жалеет: дочку, брошенную матерью, или несчастную жену, сознательно лишившую себя родительских прав и обделившую себя детской лаской.

– Сначала жена часто навещала девочку, даже плакала, а потом успокоилась, сказала, что я хороший, надёжный отец. И она, не боясь за ребёнка, может уехать с новым мужем. А я ради дочки готов вернуться к прежнему.

– Почему Вы мне решили рассказать об этом? – тихо спросила Аня.

– Не знаю. С одной стороны, наваждение какое-то. Наверно, действительно лес заколдованный. Такое впечатление, что на свете, кроме нас, никого нет, только этот лес, сумасшедший снегопад и мы. И неизвестно, выйдем ли мы из этого леса. Вот и получается, что поделиться мне больше не с кем. А с другой стороны… – Евгений замолчал.

«…мне почему-то легко и просто с тобой», – закончил он мысленно.

Аня была ошеломлена. Она никогда бы не подумала, что у этого красивого, внешне благополучного человека может быть столько проблем. В её душе шевельнулось что-то тёплое. «Это, наверно, жалость», – подумала она.

Долго шли молча. Природа, завораживающая своей таинственностью, словно вела их к одной общей цели и обещала, что когда они дойдут до этой цели, каждый из них решит, наконец, свою трудную задачу.

Снег падал и падал. Ане казалось, что лес бесконечен и ступать по нему придётся целую вечность. У неё вдруг возникло необъяснимое желание – идти и идти сквозь снегопад навстречу неизвестности рядом с **этим** человеком, к которому она была несправедливо равнодушна целых пять с половиной лет! Сердце Ани сжалось от этого открытия.

А потом… произошло невероятное! Они заговорили почти одновременно. Перебивали друг друга, горячась. Спорили и соглашались. Ссорились, как будто были близко знакомы тысячу лет. Говорили обо всём…

Лесная дорожка словно сближала их, становясь всё уже и уже. Ели с тяжёлыми от снега ветвями всё ниже и ниже склонялись над ними. Природа как будто давно знала их и специально устроила эту предновогоднюю фантазию, чтобы соединить этих двоих, достойных счастья, но обделённых им.

– Ой! – вскрикнула Аня, когда к ней за шиворот начали падать с дерева комья снега.

Она инстинктивно наклонилась и… уткнулась ему в грудь. Это прикосновение было настолько жарким, что Ане показалось, будто вместо холодных струек под шарфом начала разливаться горячая вода. Он осторожно начал вынимать снег из-за воротника Ани, не разжимая нечаянных объятий. Обоим показалось, что вокруг всё стихло и замерло.

Высокая ель, словно выражая недовольство робкой, незадачливой парочкой, шумно отряхнула свои могучие лапы, направив снежную лавину на неё, как будто призывая: «Да обнимитесь вы, наконец, по-настоящему! Для чего вы вошли в такую красоту?!»

Евгений и Аня вцепились друг в друга и сжались в один комок, а ель, словно обрадовавшись их близости, начала рьяно забрасывать их пластами снега, уложенными снегопадом. Освободив себя от красивого, тяжёлого груза, ель ещё долго облегчённо покачивалась, как бы одобряя произошедшее: «Ну наконец-то! Теперь вы никуда не денетесь друг от друга! Это судьба!»

А дальше… был первый настоящий поцелуй в жизни Ани. Она впервые поняла, что такое взаимность.

Время, длиною в две их жизни, соединившиеся случайно, казалось, на мгновение остановилось для них, а затем определило начало нового отсчёта.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива.

– Хорошо, я буду счастлива.

– Я хочу, чтоб у тебя всё было хорошо.

– У меня всё будет хорошо.

– Неужели мы никогда не увидимся?!

– Наверно, мы никогда не увидимся.

Его слова повторялись Аней, словно эхо, звучащее в её сознании безнадёжностью. По щекам девушки текли горячие слёзы.

– Где же ты была раньше? Ведь это ты – моя половинка…

Аня заплакала навзрыд.

– Ну почему всё так? Где же я сам-то был?

– Ты был женат, – сквозь рыдания едва проговорила Аня. – Ой! Ты же и сейчас женат! У тебя жена! И она может вернуться…

– Да… уже столько раз возвращалась… Но ради дочки я готов на всё. Она очень хочет, чтобы с нами была мама. Хотя лживые отношения между мною и женой вряд ли сделают дочку счастливой. Но она ждёт маму…

8

Аня, глотая слёзы, бежала по длинному коридору общежития. Ей хотелось стучать в каждую дверь и кричать! Кричать от боли, от счастья, от горя, от нового сильного, не понятного до конца чувства, режущего её душу и сердце!

Аня спохватилась: «Он же имени моего не спросил!» И этот, казалось, безобидный факт поверг её в ужас: «Значит, я останусь в его памяти безымянной студенткой (если останусь!) и больше никогда не увижу его».

«Я же не спросил её имени!» – с горечью вспомнил Евгений.

Аня ворвалась в комнату. Подруги не спали.

– Да! Да! Да! Это я нарочно всё придумала! – закричала Аня, глядя на Тамару. – Потому что он мне нравится!

И она бросилась на кровать и зарыдала. Все притихли, оглушённые столь шумным появлением Ани, а она отвернулась к стенке и заскулила, словно побитый котёнок. Оторопевшие подруги обступили её, не зная, что делать. Первой опомнилась Грачёва:

– Партизанка! Подпольщица!

– У-у-у… – завыла Аня.

– Нет, девочки! Подождите! Здесь что-то не так, – заметила Зинаида.

– Зачем? Зачем ты уговорила меня пригласить его? – завопила Аня на Грачёву. – Я была спокойна до этого вечера! Мне ничего не надо было! Этот проклятый номерок! Он всё испортил!

Она снова заплакала и сквозь слёзы судорожно произнесла:

– Я же влюбилась в него!

Тишина обволокла комнату.

– А как же этот… твой иммунитет? – напомнила Грачёва, добавив в тон нотку ехидства.

– У-у-у… – ещё сильнее завыла Аня.

– Ты действительно только сегодня влюбилась в него? – выждав паузу, осторожно спросила Тамара.

– Да! Да! Да! – выкрикнула Аня.

– Девчонки! Это похоже на правду, – сказал кто-то, – разве можно замаскировать такие бурные чувства? За пять лет можно сгореть от такой любви или высохнуть.

Все, не сговариваясь, строго посмотрели на Грачёву. Она отступила назад, как бы обороняясь, и начала оправдываться:

– Я-то здесь при чём?!

– Это ты! Ты виновата! «Хочу Женечку! Хочу с ним потанцевать! Хочу с ним погулять!» Видишь, что с девчонкой приключилось! – начала отчитывать Грачёву Зинаида.

Тамара растерялась. Она явно не ожидала такого поворота событий.

– Анёк! Ну прости меня, – обратилась она к Ане. – Я не знала, что ты такая эмоциональная и впечатлительная, – и, вздохнув, добавила: – Счастливая ты, Анька! А я вот никогда не испытывала такого чувства. Увлекаюсь постоянно, но и отвлекаюсь быстро. Наверно, я на сильные чувства не способна.

Разговаривали до утра. Это были их последние «посиделки». Все понимали, что вряд ли они ещё встретятся.

9

В течение всей дороги домой длиной в сто двадцать километров, что преодолела Аня на двух электричках, она не переставала беззвучно плакать. Случившееся казалось ей сказочным предновогодним сном, который никогда не сбудется.

Мама Галя, встретив её на пороге квартиры, сразу почувствовала неладное:

– Что случилось? Тебе не дали диплом?

Аня отрицательно покачала головой, и слёзы, которые копились всю дорогу, хлынули из её глаз. Соседка охнула, схватившись за сердце:

– Почему? Ты же хорошо училась! За что?

Аня опять отрицательно покачала головой и с трудом прошептала:

– Я влюбилась…

– Ой! Беда-то какая! – запричитала соседка. – Раз плачешь, значит, опять невпопад. Он что, тоже красивый?

– Очень!

– Ну что же это за безобразие?! – снова запричитала мама Галя. – Везёт тебе на красивых дураков! Бедняжка ты моя!

Аня отрицательно замотала головой:

– Нет, нет! Он не такой…

– Не такой… а чего же тебя так опрокинуло?!

– Он женат, – всхлипывая, пояснила Аня, – но он самый лучший.

– Э! Как же это тебя угораздило?

– Номерок, – сквозь слёзы улыбнулась Аня, – номерок виноват.

И Аня, сидя на кухне с любимой мамой Галей, рассказала ей всё, оплакивая каждую фразу и «запивая» её чаем вместе со слезами.

Аня не спала всю ночь.

«Вот оно, настоящее чувство! Пусть мы не можем быть вместе! Пусть! Но я люблю его!» И боль, поселившаяся в её сердце, была и мучительной, и приятной. Счастье встречи и горе расставания, которые испытала Аня почти одновременно, терзали её душу.

До Нового года было два дня. Друзьям Аня сказала, что будет встречать Новый год с родственниками, родственникам сказала, что с друзьями. Этим она очень обрадовала соседку, которая тут же начала хлопотать насчёт пирожков и прочих вкусностей.

Аня переживала своё новое чувство. Закрывшись в своей комнате, она то тихо плакала, то с замиранием сердца вспоминала каждую секунду невольной встречи, занесённой снегопадом и… оставшейся в прошедшем времени.

Ане казалось, что она всё бы отдала, чтобы пережить ещё раз тот вечер, который теперь представлялся ей неповторимым и драгоценным чудом, но увы! Только память может подарить возвращение в прошлое.

Устав от бессонных ночей, Аня уснула днём. Разбудил её звонок в дверь.

– Меня нет! – крикнула она соседке.

В коридоре послышались шаги и шорох. «Ну зачем она открыла?» – сердито подумала Аня.

– Это к тебе, – заглянув в комнату, сказала мама Галя.

Аня, пошатываясь, вышла в коридор и… остолбенела.

– Ты увезла номерок, – сказал он. – Ненормальный гардеробщик завалил институт жалобами, – и, улыбнувшись, добавил: – Здравствуй, Аня.

Аня уткнулась в его плечо и заплакала.

– Я не один. Познакомься: это моя дочка.

– Катя, – проговорила девочка. – А Вы та самая тётенька?

– Да, та самая… которая очень любит твоего папу, – продолжила Аня.

10

Прошло четыре года.

– Мам! Твои уроки рисования принесли первый успех!

– Какой успех? – с удивлением спросила мама Аня.

– Посмотри! Брательник Лёнька своими миниатюрами всю мою тетрадь по геометрии разрисовал!

– Сыночек! Ты же испортил Катину работу, сказала мама Аня.

– Это хорошо, что ребёнок интересуется геометрией, – сказал папа Женя. – Сын пошёл в отца, хочет стать математиком. Правда, сынок?

– Да, – серьёзно констатировал малыш, докрашивая равнобедренную трапецию.

– Вот! Что я говорил?! – с гордостью отметил папа Женя.

– А может, Лёнечка хочет стать художником?! – возразила мама.

– Да, – твёрдо заверил мальчик и, взяв красный фломастер, перешёл к покраске прямоугольного треугольника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.